

Блаженный Иоанн Мосх Луг духовный

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9307044
Луг духовный / Блаженный Иоанн Мосх.: Благовест; Москва; 2013
ISBN 978-5-9968-0311-8*

Аннотация

«Луг духовный» принадлежит к числу самых распространенных на Руси агиографических творений. Помимо описания различных событий и промыслительных для спасения случаев, в 219 главах данного творения также даются душеспасительные размышления и наставления подвижников, служащих для назидания каждого православного христианина. Вся книга свидетельствует об истинности Православия и подает поразительные и великолепные примеры любви подвижников ко Христу Богу, жизни по заповедям евангельским.

Издание рассчитано на широкий круг православных читателей.

Содержание

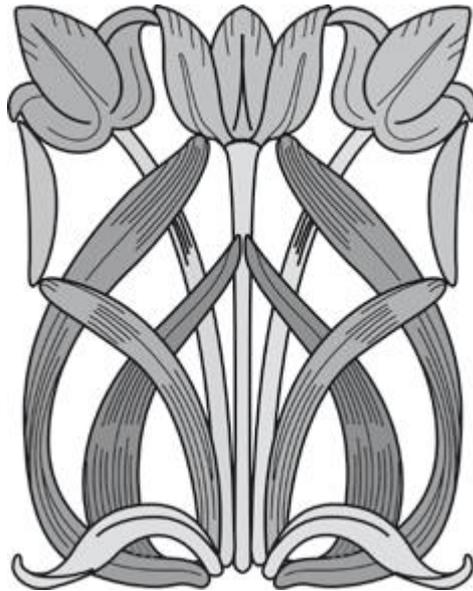
Предисловие	5
Благочестивому читателю	6
Введение	15
Писатель «Духовного луга»	15
Краткая история древнего иночества	18
Пустыня св. града	20
Палестина в конце VI века	27
Политическое положение Римской империи в конце VI века.	30
Нравы	
Монеты, упоминаемые в «Луге духовном»	31
Хронологическая таблица	32
Луг духовный	34
Глава 1	35
Глава 2	37
Глава 3	39
Глава 4	42
Глава 5	45
Глава 6	46
Глава 7	47
Глава 8	49
Глава 9	50
Глава 10	52
Глава 11	53
Глава 12	54
Глава 13	55
Глава 14	56
Глава 15	57
Глава 16	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Блаженный Иоанн Мосх

Луг духовный

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
(ИС 13-309-1739)*

*Печатается по изданию: Луг духовный. Творение блаженного монаха Иоанна Мосха.
Перевод с греч. прот. М. И. Хитрова. Сергиев Посад: Тип. Св. – Тр. Сергиевой лавры, 1915*

Предисловие

Книга со столь красивым и характерным названием «Луг духовный», написанная строгим подвижником Христовым блаженным Иоанном Мосхом, рассказывает о жизни и подвигах благочестивых христиан, вся жизнь которых была служением Богу. Блаженный Иоанн Мосх говорит о его содержании и пользе так: «...что может быть приятнее зрелища, которое представляет собою весенний луг, испещренный разнообразными цветами?.. Срывая из цветов неувядающего луга наиболее прекрасные, я сплел для тебя (блаженный Иоанн обращается к своему другу Софронию – *А. П.*) венок и подношу его тебе, вернейшее чадо, а через тебя и всем. По этой-то причине и этот труд я назвал «Лугом»: каждый может найти в нем духовное наслаждение, благоухание и пользу».

О блаженном Иоанне Мосхе сведений сохранилось мало. Сначала он подвизался в обители св. Илии на Иордане, в 570–580-х годах – в Египте, затем вновь вернулся в Палестину. Здесь, в обители преподобного Феодосия Великого, он познакомился с послушником Софронием. Они вместе отправились в многолетнее путешествие (в конце VI – начале VII веков) по обителям Палестины, Сирии, Египта, посетили также Синай, Кипр, Константинополь и Рим, положившись на волю Божию, преодолевая при этом много трудностей и тягот паломнического пути. Везде они встречались с подвижниками во Христе, о чем потом блаженный Мосх и рассказал в своем творении.

Блаженный Иоанн Мосх преставился в 622 году. Его похоронили в обители преподобного Феодосия Великого.

Помимо описания различных событий и промыслительных для спасения случаев в 219 главах данного творения также даются душеспасительные размышления и наставления подвижников, служащих для назидания каждого православного христианина.

«Луг духовный» принадлежит к числу самых распространенных на Руси агиографических творений. Было время, когда наши предки не просто любили постоянно читать эту духовную сокровищницу христианского подвижнического опыта, но запоминали сказанное и передавали друг другу, старались воплотить в своей жизни спасительные наставления, содержащиеся в этой книге.

VII Вселенский Собор, проходивший в 787 году, подчеркнул догматическую важность «Луга духовного» – во время его заседаний читались 45-я и 180-я главы этого знаменательного творения (о почитании образа Пресвятой Богородицы).

Вся книга свидетельствует об истинности Православия и подает поразительные и великолепные примеры любви ко Христу Богу многих древних христиан, которые верно хранили христианские догматы и священные обряды и делом, всей своей жизнью показывали, как надо жить по-христиански, по заповедям евангельским, чтобы наследовать Царство Небесное.

Андрей Плюснин

Благочестивому читателю

Когда все внимание людей устремлено на то, чтобы украсить земную жизнь возможно большими удобствами, трудно говорить о тех, кто, глубоко сознав и почувствовав тленность всего земного, отрешался от мира, уходил в пустыню и стремился всеми силами только к тому, чтобы, поборов в себе самих все плотское, страстное и греховное, очистить и укрепить высшую духовную сторону своего существа и приготовить полное торжество духа над плотью.

Между тем, среди огромных успехов в науке, в искусстве, в обогащении, во внешнем украшении жизни можно подметить нередко глубокий вздох подавленной духовной стороны человека; порой раздается даже потрясающий вопль разочарования и отчаяния. Чувствуется какой-то глубокий внутренний разлад во всем строе современной жизни... Это происходит, оттого что все сокровища и красоты мира сего не могут дать желанного покоя бессмертному духу, созданному для Бога и вечности. По мере того как цветет и украшается внешний человек, внутренний, истинный человек как бы замирает от глады духовного. Пристращаясь к миру и его утехам, человек живет скорее призрачной жизнью, чем настоящей, увлекается как бы призраками сновидения, а не бодрствует. «Ты это узнаешь, – говорит приснопамятный святитель Филарет, – когда дух твой пробудится в день благодати или в день суда!» Вот почему не когда-либо, а именно во времена почти общего увлечения внешними удобствами мира сего, этими призраками сновидений, и надлежит напоминать не столько о тех, кто так или иначе своим талантом или гением способствует так называемому прогрессу, успехам материальным, сколько, напротив, о тех, которые могучим подвигом или советами духовной мудрости указывали человеку на небо, на его высшее призвание, на бесконечную ценность духовной стороны. Если мир воздвигает памятники своим великим людям, героям, поэтам и художникам, то мы не должны забывать, что были другого рода люди, для которых «померкли красоты мира, сладости чувственные преогорчились, земные сокровища превратились в уметы, мир явился пустынею, а пустыня раем» (митр. Филарет), люди, которые презрели мир и все мирское и чрез то явились такими, что их «не бе достоин весь мир».

В Антиохии в глубокой древности был монастырь, который носил название монастыря «Гигантов». Это название остановило наше внимание на себе. Всмотриваясь внимательно в жизнь великих подвижников древнего Востока, мы как бы невольно повторяли про себя: «гиганты духа»... Мы изумлялись подвигам этих, воистину, гигантов духа, эти подвиги казались нам столь великими, столь превышающими силы человеческие, но – увы! – внутренний голос подсказывал нам: это происходит от того, что мы сами измельчали духовно, что поработились плоти и тленным стихиям мира, что веки наши отяжелели и нам трудно поднять взор свой на небо, где ярким светом сияют звезды духовные. И эта мысль привела нас в глубокое уныние. Мы увидели всю бездну, которая легла между нашей суетной и грешной жизнью и духовным величием истинных гигантов духа. Но благодарение Богу за все! Благодарение Ему и за то, что, подобно светилам на тверди небесной, великие подвижники сиянием своей жизни светят нам в нашем земном странствовании и своей пламенной ревностью по Бозе пробуждают и в нас заснувшие было стремления к высшей духовной жизни. Печаль о своем недостойнстве служит ко спасению. При содействии благодати Божией она может привести нас к раскаянию и породить в нас хоть малую искру той ревности ко спасению, которая таким ярким пламенем горела в сердцах великих подвижников.

На этот раз мы предлагаем вниманию читателей знаменитое творение «Луг духовный». Сам строгий подвижник, блаженный Иоанн Моск, вместе со своим высокообразованным учеником Софронием, бывшим потом патриархом Иерусалимским, в конце VI и в начале VII столетия совершили великое путешествие: обойдя почти все знаменитые обители пале-

стинские и сирийские, они посетили Египет и проникли до славной Фиваиды и даже до отдаленного оазиса, везде присматриваясь к подвижнической жизни и с любовью изучая ее. Все, что они видели или слышали замечательного в духовном отношении, они правдиво записали. Так составила́сь книга «Луг духовный». В ней мы видим свидетельства очевидцев высокой честности – и это дает ей огромное значение. С «Лугом духовным» в руках мы как бы сами путешествуем по Палестине, Сирии, Египту той отдаленной эпохи. Особый аромат несется нам с этого «Луга»: это впечатление свежести, безыскусственной прелести живого рассказа, простоты и неподдельной правдивости. «Луг» блж. Иоанна так богат прекрасными цветами, – говорит преосвященный Филарет, – что самое малоопытное обоняние не может не ощущать неземного благоухания его. Какое прекрасное разнообразие в этом «Луге»! Величие древних отцов, служивших Богу с полным самоотречением, их твердая верность евангельской истине поражают душу благоговением к древности, в назидание векам последующим. Чего не предпринимали люди Божии из любви к сладчайшему Иисусу!..» Только тот, кто понял всю страшную силу живущего в нас зла, кто знает, что в нас, грешных, «от ног даже до главы несть целости» (Ис. 1, 6), кто, хотя отчасти, испытал, как трудно вести духовную брань с грехом, тот поймет и оценит величие древних духовных борцов...

Полная достоверность рассказов из «Луга духовного», как мы уже сказали, стоит вне всяких сомнений. Чтобы окончательно убедиться в этом, стоит только ознакомиться с описаниями иноческой жизни в древности, дошедшими до нас, у историков, духовных ораторов, великих отцов Церкви; стоит только ознакомиться, так сказать, с той благодатной почвой, на которой произросли цветы «Луга духовного». Руфин, Палладий, Кассиан, Иероним, Сократ, Созомен, Евагрий, Феодорит, Кирилл Скифопольский и множество других свидетелей в ярких чертах изобразили нам образ жизни древних подвижников.

«На горах, – говорит Афанасий Великий, изображая жизнь учеников Великого Антония, – были монастыри, которые, как храмы, наполненные божественными ликами, были наполнены людьми, жизнь которых проходила в пении псалмов, в чтении, молитвах, посте и бдении, людьми, которые всю надежду полагали во благах будущих, которые жили в единении и удивительной любви и трудились своими руками не столько для прокормления себя, сколько для пропитания бедных, так что это была как бы обширная страна, совершенно отдельная от мира, счастливые обитатели которой не имели другой цели, кроме той, чтобы подвизаться в правде и благочестии. Они не знали ропота и прекословия, они не знали желания делать зло другим... Всякий, смотря на них, мог бы сказать: *коль добри дома твои, Иакове, и кущи твои, Израилю, яко дубравы осеняющия, и яко садие при реках, и яко кущи, яже водрузи Господь!*»

Св. Иоанн Златоуст, по собственному опыту хорошо знавший современную ему иноческую жизнь, в дивных, увлекательных чертах изображает ее перед своими слушателями. Однажды он говорил о том, что мы все званы на брак «в чертог украшенный», и потому должны облечь свою душу в приличные небесному торжеству одеяния.

«Хочешь ли, я покажу тебе одетых в брачную одежду? – восклицает вдохновенный оратор. – Припомни святых, облеченных во власяницы, живущих в пустынях. Они-то носят брачные одежды. Ты увидишь, что они не согласятся взять порфиры, если будешь давать им. И это потому, что знают красоту своей одежды. Если бы ты мог отворить двери сердца их и увидеть душу их и всю красоту внутреннюю, – ты упал бы на землю, не вынес бы сияния красоты, светлости тех одежд и блеска их совести...

Они убегают городов и общественных собраний, потому что воюющему не годится сидеть в доме, но должно жить в таком жилище, которое легко оставить; они, если нужно, оставляют его, как воины оставляют лагерь во время мира. Но приятнее видеть пустыню, усеянную хижинами монашескими, нежели стан воинов, раскидывающих в поле шатры. В палатках воинов Христовых мы не увидим ни растянутых покровов, ни острых копий,

ни золотых тканей, покрывающих палатку царскую. Но если кто простер на земле, которая обширнее и неизмеримее нашей, многие небеса, тот представил бы подобное жилищам иноков. Ибо их обитель ничем не хуже небес, потому что к ним сходят ангелы, даже Сам Господь ангелов. Сии подвижники, как воины, живут в шатрах не с копьями, не со щитами и бронями, – и однако ж они совершают такие подвиги, каких те и с оружием произвести не могут. Они каждый день сражаются и побеждают все восстающие на них похоти. Одним хотением они побеждают врагов, которыми воины побеждаются. Пьянство и пресыщение побеждено у них питьем воды и лежит повержено и мертво. А это – многовидный и многоглавый зверь... В воинстве духовном каждый воин одерживает победу. Кто сам не нанес врагу смертоносного удара, того он не перестает беспокоить всячески.

Каждый из сих воинов воздвигает такие трофеи, каких не могут воздвигнуть воинства, собранные со всех концов вселенной. Они отринули от себя все беспорядочное и безрассудное: безумные слова, неистовые и отвратительные болезни, кичение и все, чем вооружается против человека пьянство. Они употребляют пищу не для пресыщения и наслаждения, но для удовлетворения естественной потребности... Они довольствуются хлебом и водою. Смятение, шум и беспокойство совершенно от них изгнаны, и как в жилищах их, так и в теле великая тишина. И не только над сладострастием одержали победу святые мужи, но и над любостыжанием, славолубием, завистью и вообще над всеми болезнями душевными. Итак, трапеза сих воинов не лучше ли трапезы воинов царя земного? Трапеза мужей святых возводит на небо; ее приготовляет Христос; правила для нее дает любомудрие и целомудрие. Пустынножители не женятся, не посягают иметь много, не предаются изнеженности, но, кроме самых неизбежных нужд для существа телесного, живут как бестелесные. Трапеза их готовится праведными трудами; будучи свободна, не позволяет собеседникам говорить ничего срамного; ищет пользы своих соучастников, не попускает оскорбить Бога. Нет у иноков никаких возмущений душевных, нет ни болезней, ни гнева: все тихо, все мирно, везде великая тишина, великое безмолвие. Постелью инокам служит трава, многие спят, не имея крова, – небо служит им вместо крова, и луна – вместо светильника. У них нет господина и раба; все – рабы, и все – свободные. Они – рабы друг другу и владыки друг над другом. С наступлением вечера им не о чем сокрушаться, не нужно запираť дверь, бояться разбойников. Разговор их исполнен такого же спокойствия. Они всегда разговаривают и любомудрствуют о будущем и, как бы не здешние, как бы переселившиеся на небо и там живущие, всегда рассуждают о небесном, а о настоящем нет ни помина, ни слова. Они говорят о Небесном Царстве, о настоящей брани и кознях дьявола, о великих подвигах, совершенных святыми.

Хотите ли, – продолжает оратор, – пойти в град добродетели, в селения святых, т. е. в горы и леса? Там-то мы и увидим высоту смиренномудрия. Там люди, блиставшие прежде мирскими почестями или славившиеся богатством, теперь стесняют себя во всем: не имеют ни хороших одежд, ни удобных жилищ, ни прислуги и во всей жизни явственными чертами изображают смирение. Все, что способствует к возбуждению гордости, удалено оттуда. Сами они разводят огонь, сами колют дрова, сами варят пищу, сами служат приходящим. Там все слуги, каждый оmyвает ноги странников и один перед другим старается оказывать им услуги; не разбирают они, кто к ним пришел, раб или свободный, но делают это для всех равно; нет там ни больших, ни малых. Хотя и есть там низшие, но высший не смотрит на это, а почитает себя ниже их и чрез то делается большим. У всех один стол, как у пользующихся услугами, так и у служащих им: у всех одинаковая пища, одинаковая одежда, одинаковое жилище, одинаковый образ жизни. Большой там тот, кто предупреждает другого в отпращивании самых низких работ. Там не говорят: это – мое, это – твое. Оттуда изгнаны слова сии, служащие причиною бесчисленного множества распрей. И чему дивиться, что у пустынников один образ жизни, одинаковая пища и одежда, когда у них и душа одна не по природе только, но и по любви, а любовь может ли возгордиться сама пред собою? Там

нет ни бедности, ни богатства, ни славы, ни бесчестия. Хотя и есть там низшие или высшие по добродетели, но никто не смотрит на свое превосходство: низших там не оскорбляют презрением, ибо там никто не унижает других. А если бы их кто унижал, они тем более научаются переносить презрение, поругание и унижение и в словах, и в делах. Любят общаться с нищими и увечными, и за столом их много таких гостей, а потому-то они и достойны неба. Один врачует раны недужного, другой водит слепого, иной носит безногого. Нет там толпы льстецов и тунеядцев; там даже не знают, что такое лесть... Все усилия употребляют на то, чтобы не иметь первенства, но быть в унижении... Впрочем, и самые их занятия приводят их к смирению. Ибо, скажи мне, кто, занимаясь копанием земли, поливанием и насаждением растений, плетением корзин и вязанием власяниц, будет высоко думать о себе? Кто, живя в бедности и борясь с голодом, подвергается сему недугу? Как в мире трудно соблюсти скромность по причине множества рукоплещущих и удивляющихся, так в пустыне это весьма удобно. Отшельника занимает собою только пустыня; он видит летающих птиц, колеблемые веянием ветерка древа, потоки, быстро текущие по долинам. Итак, что может возбудить к гордости человека, живущего среди такой пустыни?

Между монашескою и мирскою жизнью такое же различие, какое находится между пристанью и морем, непрестанно волнуемым ветрами. Смотри – самые жилища монахов предуведомляют о их благоденствии: избегая рынков и городов и народного шума, они предпочли жизнь в горах, которая не имеет ничего общего с настоящей жизнью, не подвержена никаким человеческим превратностям, ни печали житейской, ни горестям, ни большим заботам, ни опасностям, ни коварству, ни ненависти, ни зависти, ни порочной любви, ни всему тому подобному. Здесь они размышляют только уже о Царствии Небесном, беседуя в безмолвии и глубокой тишине с лесами, горами, источниками, а паче всего с Богом. Жилища их чужды всякого шума. Душа, свободная от всех страстей, тонка, легка и чище всякого тонкого воздуха. Занятия у них такие же, какие были вначале и до падения у Адама, когда, облеченный славою, дерзновенно беседовал с Богом и обитал в блаженном раю. И в самом деле, жизнь монахов – чем хуже жизни Адама, когда он, до преступления, введен был в рай возделывать его? Адам не имел никаких житейских забот – нет их и у монахов. Адам чистою совестью беседовал с Богом; так и монахи – даже больше, чем Адам, имеют дерзновения, так как больше имеют в себе благодати по дару Духа Святого.

В мире свирепствует буря, а отшельники сидят в пристани спокойно и в великой безопасности, смотря, как бы с неба, на кораблекрушения, постигшие других. Они и жизнь избрали достойную неба, и живут не хуже ангелов. Как между ангелами нет того, чтобы одни благоденствовали, а другие терпели крайние бедствия, но все одинаково наслаждаются миром, и радостью, и славою, так и здесь никто не жалуется на бедность, никто не превозносится богатством; своекорыстие изгнано отсюда; все у них общее: и трапеза, и жилище, и одежда. И что удивительного в этом, когда у них и самая душа одна и та же? Все они благородны одинаковым благородством, рабы – одинаковым рабством, свободные одинаково свободою. Там у всех одно богатство – истинное богатство; одна слава – истинная слава, потому что блага у них не в именах, а в делах; одна радость, одно стремление, одна надежда у всех. Все у них устроено как бы по какому правилу и мере и нет ни в чем неправильности, но во всем порядок, стройность и гармония – самое точное согласие и прочное основание для всегдашнего благодушия...

Опишу хотя одну часть образа их жизни, ибо всей их жизни описать невозможно. Сии светильники мира, едва начинает восходить солнце или еще до рассвета, встают с ложа здравы, бодры и свежи. Ибо их не возмущает ни печаль, ни забота, ни головная тяжесть, ни множество дел; но они живут, как ангелы на небе. Итак, встав с ложа, бодрые и веселые, они со светлым лицом и чистою совестью составляют вместе один лик и как бы едиными устами поют гимны Богу всяческих, прославляя и благодаря Его за все благодеяния, как частные,

так и общие. Спрошу вас: чем различествует от ангелов сей лик на земле поющих и воспевающих: *слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение* (Лк. 2, 14)? И одежда у них соответствует их мужеству. Одежды их приготовлены, как у блаженных оных ангелов, Илии, Елисея, Иоанна, у одних из козьей, у других из верблюжьей шерсти, а некоторым довольно одной кожи, и то ветхой. Потом, пропев свои песни с коленопреклонением, прославленного ими Бога призывают на помощь в таких делах, которые другим не скоро бы и пришли на ум. Они не просят ни о чем настоящем; у них не бывало об этом и слова; но просят о том, чтобы им с дерзновением стать пред страшным престолом, когда Единородный Сын Божий придет судить живых и мертвых, чтобы никому из них не услышать сего страшного гласа: не вем вас; и чтобы в чистоте совести и обилии добрых дел совершить сию трудную жизнь и благополучно переплыть сие бурное море. Потом, как, встав, окончат сии священные и непрестанные молитвы, с восходом солнечным идет каждый к своему делу и трудами многое приобретает для бедных. Монахи не только, когда поют и молятся, но и когда сидят за книгами, доставляют зрителям приятное зрелище. Когда пение кончится, один берет Исаию, другой беседует с апостолами, третий читает книги других писателей и любознательствует о Боге, о мире, о предметах видимых и невидимых, чувственных и духовных, о ничтожности жизни настоящей и о величии жизни будущей. Они питаются словом Божиим, сладчайшим меда и сота (Пс. 18, 11). Это чудный мед и гораздо лучше того, каким некогда Иоанн питался в пустыне. Ибо не дикие пчелы, садясь на цветы, собирают сей мед, но приготовляет оный благодать Св. Духа и вместо сотов, ульев и дупла полагает в душах святых. Подобно пчелам, они облетают соты священных книг, почерпая в них великое удовольствие. Принимая такую пищу, уста их не могут произнести ни одного дурного слова, ни одного шуточного или грубого, но каждое достойно неба... Таково их настоящее состояние. А будущее – какое слово может выразить? Какой ум – постигнуть?..

Приди и учись у иноков. Это – светильники, сияющие по всей земле; стены, коими ограждаются и поддерживаются самые города. Они для того удалились в пустыню, чтобы научить и тебя презирать суету мирскую. Они, как мужи крепкие, могут наслаждаться тишиною и среди бури; а тебе, обуреваемому со всех сторон, нужно успокоиться и хоть мало отдохнуть от непрестанного прилива волн. Итак, ходи к ним чаще, дабы, очистившись их молитвами и наставлениями от непрестанно приражающихся к тебе скверн, ты мог и настоящую жизнь провести сколько можно лучше, и сподобиться будущих благ... Как тот, кто взойдет на высокое место, хотя бы и очень мал был, кажется большим, так и те, восходя в беседах к высоким помыслам праведных, и сами кажутся такими же, пока с ними пребывают.

Монах и бедным и богатым дает дары, он равно щедр для обоих. Хотя целый год носит одну одежду и охотнее пьет воду, нежели вино, но не просит для себя ни большой, ни малой милости от богачей, но для бедных он испрашивает многих постоянных милостей, полезных как для дающих, так и для получающих. Таким образом, он является общим врачом и для богатого, и для бедного – одного освобождая от грехов добрым наставлением, другого избавляя от нужды. Он раздает дары Духа, освобождает молитвою души, угнетенные тиранством демонов. К ним прибегают и цари в своих нуждах, прося их молитв. Монах носит залог спасения в своей воле, в своей ревности, в своем расположении по слову Писания: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21). Смерть для него не страшна: ибо для того, кто презирает богатства, удовольствия и радости, не тяжело разлучиться с этим миром...» (Златоуст. Из бесед на Евангелие от Матфея.)

Вдохновенные описания великого святителя находят полнейшее подтверждение в сочинениях историков Востока и Запада.

Ефрем Сирийский, этот «человек Божий, старец великий между отцами, просвещенный умом и сердцем», как свидетельствует о нем один из св. подвижников, прп. Иоанн Колов,

путешествовал по Египетской пустыне, видел богоизбранного мужа Паисия и в восторженном слове своем в похвалу отцов-пустынников выражается так:

«Перенесите мыслью в пустыню: там увидите вы дивное и славное видение. Очищаем сердца свои, сделаем себе голубиные крылья и полетим, посмотрим на жилища оных мужей, которые оставили шумные города и возлюбили лучше горы и пустыни. Пойдем посмотрим, как живут они подобно мертвецам в гробах своих. Пойдем посмотрим на их тела, одетые власами. Пойдем посмотрим на их рубища, в которых они радостно славят Бога. Пойдем посмотрим на их питание, растворенное слезами. Пойдем посмотрим на их стол, состоящий всегда из диких растений. Пойдем посмотрим на те камни, которые они кладут под головы свои. Живут они в пещерах и пропастях земных, как в крепостях. Окрестные горы и холмы для них высокие стены... Им нет покоя в этом мире, потому что они ожидают себе успокоения в том. Они блуждают со зверями, как птицы летают по горам. Но, блуждая по горам, они сияют, как светильники и просвещают светом своим всех, с усердием приходящих к ним... Царям скучно бывает в чертогах, а им весело в их подземельях. Носят властители блаженные отцы, но радуются больше, чем носящие порфиру... Когда изнемогут, скитаясь по горам, ложатся на земле, как на мягком ложе. Немного заснут – и спешат встать, дабы петь хвалы возлюбленному их Христу... Когда молятся они, стоя на коленях, из глаз их текут источники... Где застигнет их вечер, там остаются; о могилах не заботятся, ибо они уже мертвы, распяв себя миру из любви ко Христу. Где кто кончил пост свой, там для него и могила. Многие из них молились, повергшись на землю, – и тихо почил пред Господом. Другие, стоя на камнях, отдали души своему Владыке... Теперь ожидают они гласа, который разбудит их, и тогда процветут они, как цветы благовонные... Блаженны вы, всецело сохранившие в сердцах своих любовь ко Христу: войдите теперь в тихое пристанище, насладитесь Христом, Которого возлюбили...» (Ефрем Сирин. Похвальное слово подвижникам.)

Руфин (410) пишет, как очевидец: «Видел, истинно видел сокровище Христово, сокрытое в человеческих сосудах. Видел я в Египте отцов, живших на земле и проводивших жизнь небесную, и новых неких пророков, воодушевленных как добродетелями душевными, так и даром пророчества, о достоинстве коих свидетельствует дар знамений и чудес. В самом деле, почему тем, которые не желают ничего земного, ничего плотского, не получить небесной силы? Некоторые из них так свободны от всякой мысли о нечестии, что забывают, было ли в мире что-нибудь злое. Таков мир их души, такова их доброта, что истинно о них можно сказать: *мир мног любящим закон Твой* (Пс. 118, 175). Они обитают в пустыне, рассеянные и разделенные по кельям, но соединенные любовью. Для того разделяются жилищами, чтобы никакой звук, никакая встреча, никакой праздный разговор не возмущали наслаждающихся покоем безмолвия и священным вниманием ума. Собрав ум, каждый в своем месте, ожидают пришествия Христа как благого Отца, или как воины в лагере – присутствия императора, или рабы – господина, обещавшего дать им свободу и дары. Все они не заботятся о пище или об одежде и подобном. Ибо знают, что всех сих языцы ищут (Мф. 6, 32). Они ищут правды и Царствия Божия, и все сие, по обещанию Спасителя, прилагается им.

Многие из них, если почувствуют нужду в чем-нибудь необходимом для тела, не к людям прибегают, но, обратясь к Богу и прося от Него, как от Отца, получают просимое. Ибо такова в них вера, что могут и горы переставлять. Посему некоторые из них молитвами останавливали стремление волн реки, готовой затопить соседние селения, как по суху переходили по воде, укрощали лютых зверей и совершали многие и бесчисленные чудеса, так что нет сомнения, что их добродетелями стоит мир. Особенно удивительно то, что, хотя, обыкновенно, все превосходное редко и трудно, – их и по числу много, и по добродетелям они несравненны. Иные живут вблизи городов, другие в деревнях, многие рассеяны по пустыне, как бы некое небесное воинство, опоясанное на брань, стоящее в лагере, всегда стремящееся к исполнению повелений Царя; сражаясь оружием молитв и покрываясь от нападений

врага щитом веры, стараются приобрести себе Небесное Царство. Они украшены добрыми нравами, миром, тихи, покойны и связаны союзом любви, как бы неким родством. Каждый старается быть снисходительнее, кротче, любвеобильнее, смиреннее и терпеливее другого. Если кто из них был мудрее, то он так прост со всеми, что, по заповеди, кажется меньшим всех и слугою всех». (Rufini Historia monachorum. Patrologiae c. compl. G. XXI, p. 390. Ист. прав. мон. на Востоке. Ч. 1, 21.)

Созомен, историк пятого столетия, в столь же возвышенных чертах изображает иночество: «Это любомудрие (т. е. иночество) наслаждается только добром, и кто удерживается от зла, но не делает добра, того почитает худым; ибо оно не тщеславится добродетелью, но подвизается, почитая людскую славу за ничто. Мужественно противостоя страстям души, оно не уступает ни нуждам физическим, ни немощам тела. Стяжав силу божественного ума, оно всегда созерцает Создателя всяческих, ночью и днем чтит Его и умилоствует молитвами и служением... Будучи выше внешних напастей и, так сказать, господствуя над всем, оно не отвлекается от своего избрания ни окружающим жизнь беспорядком, ни нуждою. Обижаемое, оно не ослабевает, терпящее зло – не мстит, угнетаемое болезнью или недостатком необходимого – не падает духом, но тем более и хвалится, что, целую жизнь подвизаясь в терпении и кротости и требуя немногого, становится, сколько возможно для человеческой природы, ближе к Богу. Смотря на настоящую жизнь как на переход к лучшей, оно не удручается заботами о приобретении вещей и не простирает своего попечения о настоящем далее кратких нужд, но, всегда предпочитая простые и удобоснискиваемые потребности здесь, чаёт блаженства там и постоянно стремится к тамошнему счастливому жребию. Всегда дыша благоугождением Богу, оно отвращается от бесстыдного сквернословия, и что удалило из своей жизни на самом деле, о том не терпит даже и звука. Ограничиваясь немногими естественными потребностями и принуждая тело довольствоваться малым, оно над похотью владычествует воздержанием, неправду наказывает правдою, ложь вразумляет истиною и мерою всего ставит благочиние. Жизнь свою проводит оно в единомыслии и общении с ближними, печется о друзьях и чужих, делит собственное с нуждающимися, занимается тем, что полезно для всякого, не возмущает радующихся и утешает скорбящих. Заботясь же обо всех и направляя свое попечение к существенному благу, оно здравыми рассуждениями и мудрыми внушениями научает слушателей чуждаться мести и злословия. Будучи свободно от вражды, насмешливости и гнева, беседа с почтением и скромностью, оно врачует собеседников, словно лекарством. Как разумное, оно отрекается от всякого неразумного движения и совершенно властвует над страстями души и тела». (Созомен. Церковн. Ист. Кн. 1, гл. 12.)

Приведем, наконец, свидетельство историка VI столетия, особенно важное для нас как потому, что Евагрий был современником блаженного Иоанна Мосха, так и потому, что говорит он о палестинских иноках.

«Отшельники живут сообща, не задерживаясь ничем, тяготеющим к земле, ибо у них нет золота. Но что я говорю о золоте? У них нет ни собственной одежды, ни собственной пищи, потому что тот плащ или кафтан, в который теперь оделся один, немного спустя надевает другой; так что одежда всех их принадлежит как будто одному, и одежда одного – всем. Общий у них и стол, состоящий не из мяса, изящно приправленного, и не из других кушаний, а из одних овощей и зелени, достаточной только к тому, чтобы можно было жить.

Общие также денно и ночью возносят они к Богу молитвы и так измощают себя, такими смиряют себя трудами, что, кажется, видишь подземных мертвецов, только не в гробах... Их хижины имеют такую ширину и высоту, что в них нельзя ни прямо стоять, ни свободно склоняться. Это, по слову апостола, жизнь в вертепах и в пропастях земных (Евр. 11, 38). Иные из них изливают свои молитвы пред Богом, обитая вместе со зверями в каких-нибудь незаметных расселинах земли... Это какие-то бесплотные борцы и бескров-

ные бойцы, вместо открытых и роскошных обедов содержащие пост и вместо сытных блюд не вкушающие, если возможно, ничего. А когда приходит к ним странник, хотя бы рано поутру, они принимают его с таким радушием и благожелательством, что выдумывают другой род поста – едят нехотя. Удивительное дело!.. Враги своих хотений и своей природы, они служат хотениям ближних, чтобы всеми средствами изгонять хотения плоти и чтобы правительницею была душа, всегда избирающая наилучшее и благоугоднейшее. Блаженны они, следуя и здесь такому роду жизни, но еще блаженнее, когда переселяются отсюда в жизнь другую, которой непрестанно жаждут и это вожденное стремятся поскорее увидеть». (Евагрий. I, 21)

Другой писатель VI века, Кирилл Скифопольский († 560), потрудившийся составить жизнеописания великих подвижников палестинских: Евфимия († 473), Феодосия († 529), Саввы Освященного († 531), Кириака († 557), Иоанна Молчаливого († 557) и Феогния, изображая жизнь иноков палестинской лавры прп. Герасима, пишет: «Вступившие в монашество жили (вначале) в монастыре и исполняли в нем обязанности иноческие; а те, которые причули себя к частым и продолжительным трудам и достигли некоторых степеней совершенства в подвижнической жизни, помещались в кельях. Отшельники так мало заботились о мирских вещах, что не имели ничего, кроме одежды, не имели даже другой одежды. Постелью им служила рогожа. В келье находился еще сосудец с водою, которую пили и в ней же смачивали пальмовые прутья. Когда они выходили из кельи, то не затворяли ее, чтобы, кто пожелает, мог в келью войти и взять, что нужно, из маловажных вещей, там находящихся: так они мало были привязаны к земным вещам! Не дозволялось никому в келье разводить огонь и вкушать вареное. Когда некоторые из пустынников пришли однажды к прп. Герасиму просить позволения разводить в кельях огонь, греть воду, есть вареное и читать при светильниках, то великий старец сказал им в ответ: «Если хотите так жить, то вам гораздо выгоднее быть в монастыре. Но я в продолжение всей жизни моей никак не позволю, чтобы это было у пустынников». Жители Иерихона, услышав, что жизнь старцев у аввы Герасима так строга и безотраднa, поставили себе за правило в субботу и воскресный день приходить к ним и приносить им какое-либо утешение. Многие из подвижников, узнав, что жители Иерихона приходят к ним с таким намерением, бегали и уклонялись от них» (Кирилл Скифоп. Жизнь и дела св. Евфимия Великого. «Христианск. чт.», 1824 г. XV, с. 89–93).

Толик, по словам апостола, имуще облажащ нас облак свидетелей, приступим с полным доверием к чтению дивного творения блаженного Иоанна, в котором мы, как бы воочию, увидим «бесплотных борцов» против всего, что омрачает нашу природу. Но, с любовью живописуя подвиги отцов, правдивый повествователь отнюдь не скрывает и неизбежных падений. Пока человек на земле, он не может совсем освободиться от греха и падений. Благочестивый читатель не смутится этим, тем более не дозволит себе глумления, свойственного низменным натурам. В самом «Луге духовном» он найдет отличное руководство для себя. Однажды один из подвижников, укушенный змеею, пришел в город для лечения. Его с любовью приняла к себе благочестивая женщина и ходила за больным. Едва оправившись от болезни, инок уязвлен был плотской страстью к своей благодетельнице. Заметив это, хозяйка постаралась образумить инока. Придя в себя, почувствовав весь стыд своего поведения, инок хотел было немедленно удалиться. «Не уходи, – сказала ему женщина. – Тебе еще нужно полечиться. А о нечистом помысле забудь: то не было делом твоей чистой души. Это – внушение всегубителя-диавола».

Кроме глубокой поучительности, книга блаженного Иоанна Мосха имеет большое значение в историческом и догматическом отношениях.

Благочестивые путешественники обошли православный Восток, можно сказать, накануне того грозного исторического момента, когда магометанство на долгие-долгие годы мрачной тучей нависло над ясным прежде Востоком... Читая «Луг духовный», мы живо

представляем себе, в каком положении находилась Палестина и другие страны православного Востока перед завоеванием арабов, и с грустью сравниваем печальное настоящее с давно минувшими временами... Что было и что стало!.. Возродится ли православный Восток к новой жизни или, вернее, воскреснет ли там дух, одушевлявший некогда древних великих подвижников, озарятся ли лучами когда-то ярко горевшего там света развалины древних обителей – одному Богу известно... Судьбы Божии неисповедимы. Благоговейно преклоняясь пред ними, в настоящее время мы можем только со скорбью повторить слова псалмопевца: *помянух дни древние и поучихся во всех делех Твоих...*

Догматическая важность «Луга духовного» освящена высшим церковным авторитетом. 45 и 180 главы были читаны на Седьмом Вселенском Соборе... (См. четвертое и пятое деян. Седьмого Всел. Собора.) С большим уважением говорит о ней и св. Иоанн Дамаскин. Вместе с тем, вся книга, с первой до последней страницы, служит выразительным свидетельством о непоколебимой твердости Православия в хранении не только догматов веры, но и священных обрядов глубокой христианской древности.

Введение

Писатель «Духовного луга»

Писателем «Духовного луга» был, бесспорно, блаженный Иоанн Моск. Нам не известны ни его родина, ни год рождения, ни то, где он получил образование. Из его творения мы можем только заключить, что он отличался обширными познаниями. Его, впрочем, мало занимали светские науки: высшие вопросы религии и философии, глубокие духовные опыты – вот к чему лежала душа его, вот чем он никогда не переставал интересоваться. Стремление к Богу и высшему нравственному совершенству руководило его научными занятиями. Ничто так не познакомит нас с его духовными стремлениями, как следующий рассказ. В Александрии вместе с Софронием Иоанн посетил знаменитого ученого Коему Схоластика. У него была огромная библиотека, и хозяин предоставил пользоваться его книгами каждому желающему. «Я ходил к нему ежедневно», – замечает Моск. Что же особенно привлекало его внимание?

– Скажи мне, пожалуйста, – спрашивал он ученого, – сколько времени провел ты в отрешении от мира?

– Тридцать три года! – Столько лет проведя в подвиге, получил ли ты пользу для души?.. Ты ведь знаешь, что я спрашиваю не ради простого любопытства, но для пользы души моей...

На пустынном берегу священного Иордана находилась обитель в честь св. Илии. Сюда-то прежде всего пришел, влекомый духом подвижничества, Иоанн Моск и прожил здесь около десяти лет, предаваясь по временам полному уединению в близлежащей пещере. Это было в 568–579 годах.

В царствование императора Тиверия (578–582) Иоанну пришлось отправиться в Египет «для служения». В Египте происходили страшные смуты, возбуждаемые монофизитской ересью. Александрийским патриархом в то время был Евлогий, предшественник Иоанна Милостивого. На помощь Евлогию в его борьбе с еретиками, вероятно, и отправлялся в Египет глубоко образованный инок.

В самом конце VI века мы снова находим блаженного Иоанна в Палестине, в обители преподобного Феодосия. Здесь-то он познакомился со своим знаменитым учеником Софронием, бывшим впоследствии патриархом Иерусалимским. Общее стремление к духовному совершенству соединило наставника и ученика узами теснейшей дружбы. Познакомившись с преданиями о великих подвижниках, хранившихся в обители прп. Феодосия, они решились посетить знаменитые обители Востока. Изучая духовную жизнь в различных степенях и многообразных проявлениях, они желали видеть и беседовать с опытными в духовной жизни старцами-подвижниками, насладиться их лицезрением и затем изобразить все это письменно для назидания грядущих веков. Так началось великое путешествие, продолжавшееся целые десятки лет... Прежде всего они обошли палестинские обители: прп. Герасима, Башен, Каламонскую, св. Петра, обитель Евнухов, Евфимия Великого, монастыри в окрестностях Мертвого моря, обитель св. Саввы и другие. Поклонившись св. местам Иерусалима и Вифлеема, они остановились на некоторое время в Новой лавре св. Саввы, при истоке Иордана из озера Галилейского.

Из северной Палестины благочестивые путешественники совершили путешествие в Антиохию и далее – посетили киликийские обители. Антиохия, или Феополь, Ливан, гора Росс, Селевкия, Эги, Таре и Аназарв – вот та новая нива, где они собирали благоухающие цветы. Это происходило около 603 года. Может быть, они продлили бы здесь свое пребы-

вание, может быть, даже направились бы в Месопотамию, но с Востока уже поднималась гроза в виде нашествия персов. Действительно, Хозрой в скором времени взял и разрушил Мердин, Дару, Амиду и Эдессу; прорвавшись через Евфрат, овладел Гиерополем, Халкидой и быстро явился под стенами Антиохии. Вскоре Палестина и самый Иерусалим очутились в руках неверных. Патриарх Захария вместе с животворящим древом Креста Господня отправлен был в плен в Персию. Девяносто тысяч христиан были избиты варварами. Беглецы из Палестины спешили толпами в Египет, где их радушно встречал и спешил оказать всевозможную помощь сострадательный патриарх Александрийский Иоанн. Туда же, западным берегом Палестины, направились наши путники, посетив по дороге приморскую Кесарию, Газу и Аскалон.

После утомительного путешествия по аравийской пустыне они достигли священного Синая. Проведя здесь несколько времени в подвигах молитвы и богомыслия, они обошли пустыни Синайскую, Фаран, Раиф и, встречаясь с великими старцами, собирали сведения о великих подвижниках ужасных пустынь. Наконец, путники через Клизму на берегу Суэцкого перешейка прошли в Египет и явились в Александрии около 607 года, в патриаршество Иоанна Милостивого. Иоанн Моск уже хорошо знаком был с положением дел в Александрийской Церкви, волнуемой различными ересями. Патриарх с радостью принял просвещенных и благочестивых гостей, которые оказались его ревностными помощниками в борьбе с еретиками. В жизнеописании Иоанна

Милостивого епископ Кипрский Леонтий весьма сочувственно отзывался о плодотворных трудах Мосха и Софрония: «По его (патриарха) желанию Бог послал ему мудрых и достопамятных мужей Иоанна и Софрония. Они были для него верными советниками, которым внимал он, как отцам, и благодарил их, как мужественных воинов, подвизавшихся за благочестие и веру. Руководимые Духом Святым, они мудро боролись с североанями и другими нечестивыми еретиками. Много скитов, храмов и обителей они исторгли из пасти этих зверей, подобно добрым пастырям. Этим-то они и заслужили особое уважение патриарха».

В Александрии Софроний принял иночество, к которому долго готовился под руководством своего мудрого наставника. С радостным настроением духа отрекался высокообразованный Софроний от мира и всецело посвящал себя на служение Господу. О тогдашнем строе души его красноречиво говорит нам знаменательное сновидение. «Я видел, – говорил Софроний, – как на пути передо мною девы, составив хор, радостно приветствовали меня, восклицая: «Как мы рады приходу твоему, Софроний! Какого венца сподобился ты, Софроний!!.»

Александрия уже издавна славилась как центр всемирной образованности. Там было единственное по своему богатству книгохранилище. Большими собраниями рукописей владели и частные лица, как показывает пример Космы Схоластика. Наши путники старались ознакомиться со всем, что могли найти для себя поучительного среди богатого умственного наследия, завещанного языческой и христианской древностью Александрии. Но, углубляясь в книги и беседа с мужами высокой мудрости, они не пропускали без внимания ни одного случая из действительной жизни, который мог навести их на благочестивые размышления. Однажды они пришли для беседы к ученому александрийцу и, застав его спящим, отправились в одно особенно посещаемое место в Александрии. Там они застали трех слепцов и, незаметно приблизившись к ним, выслушали замечательный рассказ одного из них о том, как Бог покарал его за покушение на великое преступление. Софроний дал знак своему наставнику. Отойдя от слепцов, он сказал: «Ну, сегодня нам нет нужды учиться чему-нибудь. Мы получили очень хороший урок».

Посетив все храмы и знаменитые обители в Александрии и ее окрестностях, путники вознамерились посетить знаменитые местности, бывшие, так сказать, колыбелью и рассад-

никами иночества. Горные хребты, образуя Нильскую долину, представляют в своих каменистых скалах и ущельях удобные местности для отшельнической жизни, и там-то, вскоре после смерти основателя иночества св. Антония, появились обители: к востоку от Нила – до самого Чермного моря и древнего Синая, а к западу – до страшных пустынь Ливийских. В Ливийских горах, почти на равном расстоянии от Александрии и древней столицы Египта – Мемфиса, возвышается местность, известная благодаря своей почве под именем Нитрийской горы. Там-то находилась славная Нитрийская пустыня, «град Божий», прославленный именами Макария, Серапиона, Пафнутия, Памво, Пиора, Хрония... В близлежащей местности рассеяно было множество келий, в которых подвизались одинокие отшельники. Но самой дикой, ужасной пустыней считалась Скитская, лежащая ближе к Нилу. Чтобы добраться до этих местностей, нужно было преодолеть страшные трудности. Бурное озеро Мареотис, дикие звери, множество крокодилов, топкие болота, дикие хищники – вот что грозило на пути, но все это не останавливало ревностных путников, горевших желанием посетить знаменитые места. Посетив Нитрийскую пустыню, они направились в Фиваиду...

Между тем, страшная военная гроза разражалась все новыми ударами. Персы, прорвавшись через Суэц в Египет, пронеслись опустошительным ураганом до самых окрестностей Триполи... Патриарх Александрийский Иоанн Милостивый удалился на о. Кипр. Но, по-видимому, еще ранее его удаления из Александрии наши путники покинули Египет с глубокою скорбью в сердце об опустошении святых мест. Основательно изучив христианский Восток, можно сказать, накануне его опустошения, они задумали великое путешествие на отдаленный Запад.

Глубокая духовная мудрость блаженного Иоанна Мосха многих привлекала к нему, и он отплыл из Египта уже в сопровождении двенадцати учеников. Посетив Кипр и Самос, они прибыли в столицу Востока – Константинополь. То было около 619 года, когда император Ираклий только что готов был пробудиться от своего усыпления при виде того погрома, который потерпели восточные провинции его империи. Может быть, уже возрождалась надежда на другие времена. Церковь, как и всегда, в то смутное время спешила прийти на помощь государству. Но отрешившиеся от мира и суеты наши путники, вероятно, мало принимали участия в бурных событиях своего времени. В столице Востока они с благоговением поклонялись священным памятникам христианской древности, собранным со всех сторон в столицу, и, без сомнения, не раз посещали св. Софию, блиставшую во всей своей первозданной красоте. Из Константинополя они отправились в Рим – крайний пункт своего великого странствования. Бесспорно, и в Риме, как и на берегах Босфора, необыкновенное впечатление производили на народ эти дивные странники, изведавшие жизнь пустыни во всех ее проявлениях и теперь показавшиеся среди шумных центров тогдашнего образованного мира... В Риме Иоанн Мосх пробыл последние два года своей жизни и здесь-то окончательно привел в порядок свои записки. Посвятив их своему «верному чаду» Софронию, он передал их ему для душевной пользы всех ревнующих о нетленных небесных благах. Так явился на свет Божий «Луг духовный». Почувствовав приближение кончины, блаженный старец собрал учеников своих. Трогательно простившись с ними, он просил перевезти его прах на далекий и дорогой его сердцу Восток и мирно скончался в 622 году. Его завещание было свято исполнено. Возвратившись в Палестину, Софроний и его товарищи похоронили тело своего наставника в обители св. Феодосия, в той самой пещере, где долгие годы подвизался великий палестинский киновиарх, – в пещере Волхвов.

Краткая история древнего иночества

С самых ранних времен христианства некоторые из верующих, движимые любовью к Богу,

предавались высоким подвигам строгого воздержания и молитвы, отказывались от брачной жизни, от почестей и богатства и всецело посвящали себя Богу. Но, собственно, в III-м веке положено было начало *иночества*. Первым христианским отшельником был прп. *Павел*, проживший с двадцати трех лет до ста тридцати лет в Фиваидской пустыне, в Египте. В год его удаления, в 251 году, родился великий *Антоний*, который, собственно, и признается основателем пустынножительства и иночества. Изумительные подвиги св. Антония, дар чудес, небесные откровения свыше, которых он удостоился, – вся жизнь этого необыкновенного подвижника производили сильное впечатление на современников, и уже при жизни Антония Фиваидская пустыня стала заселяться отшельниками, жившими *в уединенных кельях*. Антоний не предписывал внешних правил для жизни иноческой, заботясь, главным образом, о внушении живого, искреннего и глубокого благочестия, но вскоре, с умножением числа иноков, возникла необходимость в правилах и учреждениях, которые могли бы поддерживать и укреплять волю в борьбе с искушениями. Начало правильному общежитию, или жизни в киновиях, положил св. *Пахомий*. Этот великий подвижник-киновиярх основал общество иноков на одном острове Нила, называемом Тавенне. Остановившись однажды здесь для молитвы, он услышал голос: «Останься здесь и устрой монастырь. К тебе соберется много иноков». Вслед затем ему явился ангел, державший в руке доску, на которой начертан был устав иноческой жизни. Уже при жизни великого Пахомия устроилось около восьми монастырей с тремя тысячами иноков, а после его кончины, последовавшей в 348 году, к началу пятого века число иноков простиралось уже до 50 000 человек. Почти одновременно возникли и женские обители, управлявшиеся также по уставу св. Пахомия. Так возникли киновии. Историк Евагрий в следующих чертах изображает жизнь иноков в *киновиях*: «Отшельники живут вместе, не возмущенные земными привязанностями: у них нет золота. Но зачем говорить о золоте? У них нет даже собственной одежды и пищи. Плащ, в который одет один, может потом надеть на себя другой: одежда всех принадлежит как бы одному и одежда одного – всем. У них и стол общий. На столе не увидишь изящно приготовленных мясных яств. Зелень и овощи, да и то в количестве, достаточном только для поддержания жизни, – вот их кушанья. Денно и ночью возносят они общие молитвы к Богу и так изнуряют себя подвигами, что, кажется, видишь пред собою мертвецов, только не в гробах» (Евагр. 1, 21). Киновия управлялась *аввою* (что в переводе с сирийского значит – отец), и безусловное послушание ему было обязанностью каждого обитателя киновии. Время, свободное от богослужения и молитвы, иноки проводили в труде: занимались земледелием, плетением корзин и веревок и т. п.

Третий вид иночества – это *лавы*. Основателями этого вида иноческой жизни были *Макарий Старший*, живший в Скитской пустыне близ границы Египта с Ливией, и *Аммон*, поселившийся на Нитрийской горе. В лаврах мы видим как бы соединение отшельничества с общежитием. Каждый подвизался отдельно, в особой келье. Кельи, разбросанные вокруг холма или жилища аввы, находились на известном расстоянии одна от другой и располагались в виде переулков в городе, откуда и самое название – лавра (*лаура* – дорога, переулок). Отшельники в первый и последний дни недели собирались вместе для богослужения. В остальные дни хранили безмолвие. Если кто-либо не приходил на общие собрания, заключали, что он болен, и некоторые из братии посылались для его посещения. Жизнь в лаврах была много труднее, чем в киновиях, и к подвигу безмолвия уже приступали не иначе, как подготовившись к нему в киновиях. «Вступившие в монашество, – говорит Кирилл Ски-

фопольский, – жили сначала в монастыре и исполняли в нем обязанности иноческие, а те, которые уже достигли некоторого совершенства в подвижнической жизни, помещались в кельях».

Так, Египет был рассадником иночества. Нигде, по словам Евсевия, слова евангельского учения ни над кем не явили столько своей силы, как в Египте. Недаром, видно, древний Египет издревле глубоко задумывался над вопросами о бессмертии и вечности... «Меланхолический и торжественный вид природы Египта, – говорит русский путешественник, – вечно ясное небо, строгий характер пирамидального зодчества, ужасное разрушение зданий гигантских, превышающих силы человека, столько великого, столько славного в прахе и, наконец, куда ни взглянем, везде поразительное исполнение пророчеств – все это невольно приводит к жизни созерцательной человека мыслительного». («Путеш. по Египту». Норов, II, с. 350.)

«Радуйся, Египет верный! – поет Св. Церковь. – Радуйся, Ливия преподобная! Радуйся, Фиваида избранная!»

В скором времени иночество распространилось и за пределы Египта. В Палестине основателями иночества были *св. Харитон* Исповедник, пострадавший при императоре Аврелиане (270–275) и основавший в Палестине знаменитую лавру Фаранскую, лавру близ Иерихона – в пещерах Сорокадневной горы и лавру Сукка, и *св. Иларион*, ученик и подражатель св. Антония Великого, подвизавшийся около 50 лет в пустыне близ г. Газы. Здесь основаны были обители, из которых в VI веке славились: киновия аввы *Сериды*, близ которой жили знаменитые отшельники в своих одиноких кельях: *свв. Варсануфий* и *Иоанн*, и киновия аввы *Дорофея* в окрестностях Газы и Маиума.

Пустыня св. града

Из всех палестинских местностей более всего прославилась своими обителями так называемая пустыня св. града, по своему характеру вполне оправдывавшая свое название «Ужаса». Вот как изображает ее один новейший писатель: «Пустыня Иудейская бесплодна, она состоит из нагорных долин. В некоторых местах она представляется суровою и страшною; вследствие землетрясений и геологических переворотов в скалах здесь образовались трещины и проходы, иногда в тысячу футов глубиной и тридцать или сорок шириной; в других местах в ней имеются обнаженные меловые горы, наполненные пещерами, или белые, каменистые горные переходы и извивающиеся загрязненные долины, снабженные случайно резервуарами, выбитыми в твердом известняке с целью доставать воду в стране, лишенной источников. Можно путешествовать здесь по целым дням и не видеть никакого живого существа, кроме пустынной куропатки и по временам лисицы или ястреба. Только сухие и толстые растения, не требующие влаги, растут здесь на высотах, а в долинах самая роскошная растительность состоит из дрокового кустарника, который цветет в марте или апреле. Весь этот округ представляет из себя склон находящихся внутри страны меловых и известковых возвышений, которые в самых высоких местах, близ Хеврона, имеют до 3000 футов над уровнем моря, а в долине у Мертвого моря до 1000 и 1500 футов. Евреи дают этой пустыне приличное ей название Иесимон, «Страшная пустыня», или «Ужас», потому что более пустынной страны невозможно и представить. Некоторые места в ней покидаются даже арабами. На северной ее стороне очень глубокие долины, спускающиеся к Мертвому морю. Они почти совершенно задерживают путешественников, за исключением промежутков между горными валами; а далее к югу страна абсолютно непроходима. Большие потоки, падающие зимой на утесы, по направлению к Мертвому морю, образовали перпендикулярные горные проходы, от тысячи до тысячи пятисот футов в глубину, а в некоторых местах почти в милю шириной. Единственное удобное место для города во всей этой местности есть открытое пространство при подножии прохода Енгеди, Источника диких серн. Это место выше берегов Мертвого моря. К Енгеди можно пройти только по узкой змееобразной тропинке, проходящей под утесами, поднимающимися на тысячу двести футов, которые хорошо называются евреями Скалами диких серн. По этой тропинке могут ходить в безопасности только разгруженные животные, и то в течение медленной часовой ходьбы. За исключением одного источника, в этой местности воду можно найти только в ложбинах между скалами или в очень редких водных цистернах, выбитых в прошлые века в известковом камне, которые наполняются во время нескольких дождей, бывающих в этой стране. Этот источник Енгеди, или Аин-Ииди, течет из-под скалы, расположенной на маленьком плоскогорье на 400 футов выше Мертвого моря и на 800 ниже других утесов. Вода приятна на вкус и чиста, но слишком тепла. Речка течет длинным каскадом по крутому скату утеса и исчезает в каналах для орошения, покрытых низкими кустарниками, гнувшимся камышом и гигантскими листьями ошера, желтыми ягодами содомских яблонь и ровными, похожими на кедровые, вершинами тернистой дардары, поднимающимися в чаше по течению реки. Прыгающие дрозды и соловьи находят себе здесь приют, а черные сои с золотистыми крыльями и мелодичным голосом летают около утесов вверху. Ниже, на обеих сторонах источника, разрушенные стены садов и террас и огромные терра – сообразные насыпи указывают на местоположение древнего города, имевшего, может быть, до тысячи жителей. Места вдоль Мертвого моря великолепны по своему дикому и пустынному величию. Ниже их виднеются голубые воды Мертвого моря; выше – высокие скалы и укрепленные стремнины огромной скалистой стены, которая проходит, постоянно возвышаясь и делаясь все круче и круче, почти до крепости Масады; четырехугольная, отдельная масса последней, поднимающаяся более

чем на 1500 футов над уровнем Мертвого моря, представляет большую плоскую возвышенность, ограниченную со всех сторон широкими трещинами и вертикальными стенами скал и видную из Енгеди. К востоку отсюда, за глубокими проходами Арнона и маленькими речками голубых гор, смотрят вниз белые башни Керака с большого утеса, который кажется совсем недоступным» (Д-р Коннингэм Гейки). Приведем также не менее любопытное описание Иорданской пустыни русского путешественника г. Норова: «Горный путь от Вифании к пустыне Иорданской представляет по местам бедно обработанные отлогости; но с удалением от Вифании дикость возрастает более и более. После первого спуска видны одни опаленные горы. Через двадцать минут пути от Вифании, по спуске в глубокую лошину, открывается у подошвы горы источник. Этот источник, столь отрадный для утомленных путников, идущих от Иорданской пустыни, есть тот самый, который назван в книге Иисуса Навина источником Солнечным; он освящен преданием, что Спаситель часто отдыхал возле него со Своими апостолами и прохлаждался от его струй. Отсюда начинается дебрь самая дикая; дорога следует направлению лошины по отлогости скал. Менее чем через два часа пути от Иерусалима мы поднимаемся на гору, на вершине которой видны остатки здания, называемого ханом, или гостиницей, благого Самарянина; это место называлось издревле Адоним и Кровавое по причине частых разбоев, здесь происходивших... От Адонима мы ехали по краю ужасной пропасти; внизу шумел быстрый поток, а ребра скал были изрыты пещерами; в них таятся теперь хищные звери, но некогда они служили обителью отшельников... Вскоре горы расступились и открылись – величественная пустыня Иорданская, Иерихон, течение священного Иордана, Мертвое море и горы Аравийские... Спустясь с крутизны Иудейских гор, мы оставили иерихонскую дорогу и почти тотчас повернули налево, по обводу гор... Дикая пустыня оживилась; роскошные луга вдруг заменили бесплодную почву; рощи маслин и смоковниц осеняли нам путь, радовали и удивляли взор, привыкший к дикости; наконец, журчание быстро скачущего потока довершило прелесть ландшафта... По мере отклонения нашего от долины и приближения к горам жизненность начала исчезать, и, наконец, природа приняла вид самый грозный. Мы подъезжали к возвышению; въехав на него, мы увидели пред собою глубокую пропасть, а за нею две исполинские каменные горы поразительной дикости; они расстилались двумя огромными шатрами... Вторая гора, самая последняя, с беловатою вершиною, испещрена глубокими вертепами; она спускается от самой середины неприступной, отвесной стеной известкового кряжа на дно пропасти. В одной из мрачных пещер этой ужасной горы Спаситель мира, уклоняясь от людей, готовялся Себя сорок суток, в посте и молитве, на великий подвиг искупления рода человеческого... Когда вы обратитесь отсюда лицом к пустыне Иорданской, то грозный вид горы Сорокадневной заменится перед вами самым свежим ландшафтом: внизу, на первом плане, под густыми навесами смоковниц, сикомор и цакумов падает с уступа на уступ быстрый поток пророка Елисея; далее – водяная мельница, полуразрушенные аркады водопроводов, бродящие стада вместе с арабскими конями; кое-где пастухи – бедуины, обернутые в белые бурнусы, с длинными ружьями или копьями в руках... Еще далее – уединенная башня селения Рихи – предел Иерихона, и, наконец, неизмеримая пустыня ограничивается течением Иордана, светлой плоскостью Мертвого моря и горами Аравии».

Такова-то была знаменитая пустыня св. града, процветшая потом, «яко крин»... Во время св. Харитона она мало еще известна была в христианском мире: она достигла наибольшей славы лишь в V и VI вв. Подобно Антонию Великому в Египте, отцом всех палестинских пустынножителей считается св. Евфимий, скончавшийся в 473 году на 97 году жизни. Число его учеников-подвижников возросло вскоре до 10–15 000 человек... Во главе всех обителей пустыни св. града стоял архимандрит, назначенный Иерусалимским патриархом. Впоследствии управление столь многочисленным обществом иноков было разделено: один поставлялся, как, например, св. Савва, настоятелем всех лавр, а другой, как, например, св.

Феодосий, настоятелем всех киновий... «Среди такого числа иноков, – говорит благочестивый обозреватель остатков славного прошлого пустыни св. града, – нас не столько приводит в удивление первоначальная ревность их к духовным подвигам и высокое их совершенство, а отсюда и дар различных чудотворений, сколько то, что в течение двухсот лет и более продолжается это цветущее состояние подвижничества, что не единицами и десятками, а целыми сотнями появляются мужи необыкновенные. Нельзя не видеть в этом руки Божией, которая произвела это великое чудо для пользы Церкви и как бы создала новый и совершенный свет, в котором ряд чудес наполняет два века, в котором подвиги божественной ревности, одушевления и высшего созерцания составляют его обыкновенное явление. Смотря на обширные и достоверные свидетельства об этих золотых веках Иерусалимской пустыни, мы должны убедиться в особой милости Божией, которая для нашего усовершенствования благоволила сохранить такую славную летопись деяний человеческого духа. Промысл Божий избрал для этого двух великих мужей, полных высокого духовного совершенства и необыкновенной учености, которые перед вторжением исламизма посвятили всю свою жизнь на изучение и собрание памятников этого чудесного света. То были блаженный Иоанн Моск и св. Софроний». (Архим. Леонид)

Предоставим тому же наблюдателю, хорошо ознакомившемуся с пустынею св. града, перечисление обителей пустыни, процветавших в VI веке. Прежде всего, он следующим образом исчисляет обители, расположенные в горной части пустыни:

1) *Лавра Фаранская*, получившая свое название от близлежащего селения Фаран. Место этой обители указано в житии прп. Евфимия следующими словами: «Прииде (Евфимий) в лавру, нарицаемую Фаран, отстоящую в расстоянии шести миль от св. града».

2) *Лавра Сукка* (по-сирски), или Ветхая лавра (по-гречески), развалины которой видны доселе близ Фекуи в Уади-Харитун.

3) *Монастырь Феоктистов*, называемый так по имени друга и сподвижника Евфимиева прп. Феоктиста, бывшего первым начальником этого монастыря. Основан им же, по выходе из лавры Фаранской, в той же пустыне св. града. Место монастыря Феоктистова доселе в точности не определено. Для отыскания его служит путеводной нитью следующее указание из жития прп. Евфимия. Явившись во сне сыну старшины сарацинского Аспевету Теребону, старец сказал: «Я – Евфимий и живу в восточной (стране) пустыне, при потоке, протекающем на южной стороне дороги, ведущей в Иерихон, в десяти милях от Иерусалима». Живших при этом потоке отшельников первые открыли лазарийские (вифанские) пастухи. Они и теперь служат лучшими проводниками для разыскания места древней обители, потому что развалины ее находятся доселе вблизи их пастбищ. В том же житии (прп. Евфимия) расстояние Феоктистова монастыря от лавры прп. Евфимия определяется пространством трех миль; он называется нижним по отношению к лавре прп. Евфимия, конечно, потому, что был построен на дне потока, а лавра – среди возвышенной долины, на холме.

4) *Лавра прп. Евфимия*, обращенная, по его кончине, в киновию, чрез что и уцелели до позднейшего времени ее развалины. Турки, овладев Палестиной, обратили ее в свой монастырь, вероятно, из уважения к местному преданию о благодеяниях, оказанных св. мужем, здесь погребенным, окрестным жителям. Монастырь этот мусульмане (привыкшие искажать христианские предания) назвали по-своему монастырем пророка Моисея, Неби-Муса. Нельзя сомневаться, что он стоит на развалинах знаменитой обители, промыслительно оберегая от конечного забвения гроб святого отца иночествующих этой пустыни.

5) *Монастырь в пустыне Зиф* (на юго-востоке от Хеврона), между Абарисом (Адорим?) и селением Аристовулиадой, в окрестностях тех пещер, в которых укрывался Давид от гонения Саула, как сказано в житии прп. Евфимия. Место это доселе еще никем не было исследовано.

б) *Монастырь Мартириев*, основанный аввою Мартирием, учеником прп. Евфимия (был впоследствии Иерусалимским патриархом), в 15-ти стадиях от лавры прп. Евфимия, при небольшой пещере. В житии прп. Евфимия монастырь этот назывался «великим и славным». Развалины его указывают в стороне от дороги, ведущей из Иерусалима к лавре прп. Евфимия (Неби-Муса), в виду лавры (сходно с указанием в одном месте из жития преподобного Евфимия), на месте, называемом арабами Ель-Мелааб (от неровности места, окруженного со всех сторон холмами). Самые эти развалины арабы называют Хан-Ахмар – красный хан, вероятно, по коричневому цвету полей, его окружающих, которые принадлежат вифанским феллахам.

7) *Монастырь прп. Феодосия*, друга и сподвижника прп. Саввы Освященного, основанный около той пещеры, в которой, по преданию, ночевали волхвы, возвращаясь из Вифлеема иным путем (т. е. не через Иерусалим) в страну свою. О месте сего монастыря в житии прп. Саввы упомянуто в следующих словах: «авва Феодосий жил к западу от лавры, расстоянием стадий около 35, и там, при содействии Христа, основал весьма славную киновию».

8) Лавра, или келья, *Хузивы*, построенная, как говорит предание, на том месте, где постился Иоаким «неплодства ради». Здесь, сказано в житии прп. Саввы, в его время сиял добродетелями св. Иоанн Хозевит, основатель этой обители, впоследствии епископ Кесарии Палестинской. Развалины этой обители находятся в потоке Куттилийском (который в верховьях своих, протекая через пустыню Фаран, называется Фара) недалеко от Иерихонской дороги. Испытав общую судьбу обителей пустыни св. града, то есть будучи разорена от варваров, лавра прп. Хозевита в XVI столетии была временно восстановлена какими-то двумя любителями безмолвия, но вскоре опять запустела. Любопытные развалины ее с хорошо сохранившимися фресками и надписями в усыпальнице, по своей недоступной местности, редко посещаются путешественниками. Ниже лавры, в том же потоке, видны небольшие развалины, которые называются, по преданию, скитом Георгия Хозевита.

9) *Лавра прп. Саввы*, существующая поныне. Из обителей, основанных в пустыне вблизи этой лавры самим прп. Саввою и его учениками, упоминаются:

а) *Новая лавра*, основанная вышедшими из Великой лавры по неудовольствию на прп. Савву, недалеко от Фекуи, к югу, при Фекуйском потоке. Место этой лавры в точности еще не исследовано, но найти его, кажется, не трудно, следуя указанию Евфимиева жизнеописателя, инока Кирилла, который сам жил в этой лавре после изгнания из нее иноков, зараженных учением Оригена.

б) *Пещерная киновия*, в потоке, расстоянием от лавры прп. Саввы на 15 стадий, недалеко от Кастеля к западу (а от киновии Иеремии в 5 стадиях на юг). Здесь в северном утесе большая пещера, которая была обращена в церковь, а при ней образовалась так называемая Пещерная киновия. Место это в точности неизвестно.

в) *Киновия Кастеллийская*. Холм Кастеллийский лежит от лавры к северо-востоку, расстоянием около 20 стадий. Место известно, видны следы церкви и мозаичного ее пола.

г) *Киновия Схолариева* (названа так по имени первого ее настоятеля, ученика прп. Саввы, Иоанна из схолариев) обращена в киновию из башни или замка, построенного императрицей Евдокией на высочайшей во всей восточной пустыне горе, от пещерной киновии на запад, от лавры св. Евфимия в 30 стадиях. Место инокам саввинским известно. Относительное положение трех вышеупомянутых киновий между собою и лаврой прп. Саввы определяется в житии прп. Саввы следующим образом: Пещерная киновия лежит от Великой лавры к северо-востоку, с восточной стороны ее находится Кастеллийская киновия, а с западной (на расстоянии почти 5 стадий) киновия Схолариева.

д) *Лавра Семиустная* (Гептастом). Начало этой лавры положено по своеволию одним монахом Великой лавры – Иаковом, при озере Семиустном, из которого прп. Савва в начале устройства своей лавры брал воду, в расстоянии 15 стадий от лавры. Когда же поставленные

здесь Иаковом кельи были по приказанию патриарха разрушены, то прп. Савва построил вместо них другие, в 5 стадиях расстояния от прежних к северу, и назвал основанную таким образом обитель Семиустной.

е) *Киновия Иеремии*, в сухом потоке к северу от Пещерной киновии, около 5 стадий расстоянием от нее. Следы этой обители саввинские иноки указывают при пути из лавры к Иордану.

ж) *Киновия для новоначальных* была на север от лавры, не в дальнем от нее расстоянии, при верховьях ущелья Плачевной юдоли.

з) *Киновия блаженного Иоанна*, в 15 стадиях от лавры к югу, образовалась из пустынной кельи, построенной некогда самим прп. Саввой. Место неизвестно.

и) *Киновия Перикапарвариха* (др. Кафарь-Баруха), в окрестностях Хеврона, основанная учеником прп. Саввы Северианом, в Енгеди. Место это неизвестно.

Кроме упомянутых монастырей в пустыне св. града, прп. Савва основал еще две обители в Палестине: одну близ Никополя (Еммауса), развалины которой видны поныне; а другую близ Скифополиса (Васана); а ученик его, блж. Фирмин, основал лавру Фирминскую в странах Махмаса, Эльбира (см. житие прп. Саввы), развалины которой с любопытством осматривают проезжающие через Эльбир в Назарет.

К этой группе следует присоединить три обители близ Вифлеема: киновию аввы Маркиана, который был до прпп. Саввы и Феодосия общим начальником всех обителей пустыни св. града; монастырь св. Сергия, называемый Ксиропотам, находившийся в двух верстах от Вифлеема; а также монастырь Анастасиев, процветший в VI веке, под управлением аввы Иустина. Развалины его показывают на северо-восток от Вифании в получасе пути от нее.

Из монастырей второй группы, то есть расположенных в Иерихонской долине над Иорданом, упоминаются древними писателями следующие:

1) *Лавра и монастырь прп. Герасима*. Место их указывает блж. Иоанн Моск, говоря, что они отстоят почти на одну милю от Иордана. Кирилл в житии прп. Евфимия об основании этих обителей пишет: «Великий Герасим, житель и покровитель Иорданской пустыни, построив там Великую лавру не менее чем для 70 отшельников, устроил на середине ее монастырь и установил, чтобы только вступившие в монастырь (новоначальные) жили в монастыре». Видимые ныне в Иерихонской долине развалины суть остатки этого монастыря Герасимова, в котором наш игумен Даниил, паломник XII века, еще застал 20 монахов.

2) *Лавра Каламон*, или *Каламонская*, по толкованию одних, значит: тростниковая, а по другим – доброе пристанище, потому что была построена на месте, где останавливалось святое семейство во время бегства в Египет (через иерихонское поле пролегает дорога из Галилеи в Газу). Блаженный Иоанн Моск ясно отличает эту обитель от обители прп. Герасима даже самым определением ее места, говоря о лавре Герасима: «около Иордана», а о лавре Каламон: «близ Иордана», то есть на самом берегу священной реки. Но позднейшие писатели, начиная с Фоки, постоянно путают эти две обители на том основании, что прп. Герасим назывался также Каламонитом. Более чем вероятно, что название это усвоено прп. Герасиму, потому что он положил основание лавре Каламон или просто жил в ней временно до основания своей собственной обители, подобно тому как прп. Евфимий, до основания своей лавры, жил в лавре Фаранской, – или, наконец, потому что лавра Каламонская присоединилась к лавре прп. Герасима после одного из опустошений пустыни св. града, и с тех пор обитель эта стала именоваться безразлично то одним, то другим именем. Это последнее предположение кажется нам всего вероятнее. Наш паломник игумен Даниил говорит, что лавра Каламонская находилась при самом устье Иордана, т. е. при впадении его в Мертвое море. По моему мнению, место ее указывает довольно определенно высокий холм, находящийся невдалеке от устья Иордана, на самом берегу его, и, видимо, покрывающий какие-то развалины. Во всяком случае, свидетельство блж. Иоанна Мосха, ясно различающего эти

две обители (лавру Каламонскую и лавру прп. Герасима), не может быть оставлено без внимания.

3) *Лавра Пиргов* («Башен»), основанная учеником прп. Саввы, блж. Иаковом, у Иоанна Мосха называется Иорданской обителью, следовательно, также была в Иерихонской долине. Следы ее указывают на северо-восток от монастыря прп. Герасима.

4) *Лавра аввы Петра*, по свидетельству Иоанна Мосха, была также близ Иордана.

5) *Лавра Копрата*, в долине Иорданской, что видно из «Дух. луга», где повествуется, что авва Георгий отшельник, придя со своим учеником Фалалеем в святой град и поклонившись св. местам, оттуда пошел на Иордан, где ученик его преставился, и старец похоронил его в лавре, именуемой Копрата.

6) *Лавра Ильинская*, названная так в честь св. прп. Илии, основанная аввой Антонием, также была на берегах Иордана, что видно из сказаний Иоанна Мосха, имевшего близ этой лавры свою отшельническую келью.

7) *Лавра Нестерова*, основанная на берегах Иордана учеником прп. Саввы, блж. Юлианом, по прозванию Киртом (согбенным), как о том упоминается в житии прп. Саввы.

8) *Иерихонские монастыри*, основанные патриархом Илиею (494–513) близ Иерихона.

9) *Монастырь скопцев*, или *евнухов*, находился близ Иордана. Этот монастырь образовался при патриархе Петре через разделение вышеупомянутых иерихонских монастырей патриарха Илии по случаю принятия в них евнухов из Константинополя (см. о сем в житии прп. Саввы).

10) *Киновия Марии Богородицы*, так называемая *Новая*, которая также называлась монастырем аввы Константина, по имени ее настоятеля, а может быть, и основателя. Место этой киновии ясно не указано; надо полагать, что также была в долине иорданской, ибо из сказаний Иоанна Мосха видно, что больных из этой киновии отсылали в иерихонскую больницу.

11) *Киновия Пентуклы* (Пентаклии), или *киновия Плача*, близ Иордана, построена, по преданию, на том месте, где сыновья Иакова на пути из Египта с мощами отца своего, перейдя Иордан, остановились и сотворили плач велий. Киновия эта находилась на самом берегу Иордана; ибо на старца ее, св. Конона (был потом игуменом этого монастыря, как видно из «Дух. луга»), было возложено особое послушание – крестить приходящих от иноверия к Православной Церкви; крещение же это, как известно, в древности (да и поныне) всегда совершалось в Иордане. Видимые ныне на берегу Иордана развалины XII века известны под именем монастыря св. Иоанна, Предтечи Господня. А как у писателей V и VI веков вовсе не упоминается о монастыре св. Иоанна Предтечи, то мы полагаем, что лавра Пентуклы, находившаяся над Иорданом, старцы которой проходили служение Предтечи, и нынешний монастырь св. Иоанна Предтечи есть древняя одна и та же обитель, чему не противоречит и то предание, что монастырь св. Иоанна Предтечи построен на самом месте крещения Спасителя мира. По греческим преданиям, обитель эта была обновлена Мануилом Комнином в 1150 годах.

12) *Монастырь во имя св. Иоанна Златоустого*, так же, как Предтечев, не был известен под этим именем у писателей V и VI вв.; вероятно, это название вторичное, данное по обновлении развалин одной из древних обителей; развалины этого монастыря, ясно видимые еще в XII веке, ныне едва заметны и находятся на пути от Мертвого моря к Иерихону, на левой стороне от дороги, в виде груды разбросанных камней и небольшого холма. По преданию, церковь в Саввинской лавре во имя св. Иоанна Златоустого построена в память этой обители после ее окончательного запустения.

Все эти обители окружены были садами, которые орошались водою из водопроводов, – следы их доселе сохранились. А ныне тяжелое впечатление производит эта сухая, поистине мертвая равнина...

Сверх вышеозначенных монастырей, у писателей V и VI вв. упоминаются еще *пещеры Иордана*, которые не составляли отдельной обители и были постоянно обитаемы любителями глубочайшего безмолвия. По ту сторону Иордана было также несколько монастырей, из которых особенно замечателен монастырь на месте, названном Сапсас, устроенный при пещере, в которой некогда жил св. Иоанн Креститель. Место этой обители определяется в сказании о ее чудесном основании. Блаженный Иоанн Москх пишет, что один старец с учеником своим, пойдя из Иерусалима на поклонение в Синай, едва перешел Иордан «и отошедши от него, яко поприще едино», заболел так, что не мог продолжать пути, почему и вошел в упомянутую пещеру. Здесь явился ему в сонном видении св. Иоанн Креститель и, возвратив старцу здоровье, обязал остаться на постоянное жительство в этой пещере, говоря, что она значительнее Синая. Пещера существует поныне, и место ее известно саввинским инокам.

Гора Сорокадневная, или *гора Искушения*, на которой, по преданию, провел в сорокадневном посте и молитве Сам Началовождь нашего спасения и был искушаем от диавола. Эта гора вся покрыта пещерами, иссеченными в ней еще аморреями (во время войны с израильтянами). Она с самых первых времен пустынножительства, во время процветания пустыни св. града в V и VI веках и долго еще после ее упадка, по свидетельству очевидцев, представляла подобие большого улья, в котором любители безмолвия не переставали с опасностью для собственной жизни выработывать духовный мед, упражняясь в священном трезвении и непрестанной молитве. Некоторые из них, подобно блаженному Елпидию, поселясь в пещере, не сходили с горы до самой кончины. Об этом столпе терпения писатель Лавсаика говорит, что он жил среди собравшейся к нему братии, как матка пчелиная, и населил эту св. гору, как город, еще в конце IV века по Р. Х.

Из всех известных в V и VI вв. лавр и монастырей пустыни св. града до нашего времени уцелели лишь развалины следующих из вышепоименованных обителей: 1) *лавы Фаранской*, 2) *лавы Сукка*, 3) *монастыря Феоктистова*, 4) *лавы Евфимия*, 5) *монастыря аввы Мартирия*, 6) *лавы прп. Саввы* с некоторыми из ее монастырьков, 7) *монастыря прп. Феодосия Киновиарха*, 8) *лавы прп. Иоанна Хозевита*, 9) *монастыря прп. Герасима Иорданского*. Число не велико, но утешительно заметить, что с именами этих уцелевших развалин бывших обителей связано воспоминание именно о тех святых мужах, которые наиболее прославили пустыню св. града, каковы: прп. Харитоний, Евфимий, друг и спостник его прп. Феоктист, ученик его патриарх Мартирий, прп. Савва, друг и спостник его прп. Феодосий Киновиарх, прп. Иоанн Хозевит и прп. Герасим Иорданский. (Архимандрит Леонид. «Старый Иерусалим и его окрестности».)

Для нашей цели достаточно было ознакомиться с развитием иноческой жизни, главным образом, на Востоке. Но, разумеется, она появилась также и в западной половине Римской империи. Малая Азия, острова архипелага, Балканский полуостров, мрачные и бесплодные острова Тосканского моря, ущелья Апеннин и Альп, бесплодные местности Галлии, даже острова далекой Британии озарились лучами взошедшего с Востока света...

Палестина в конце VI века

Покоренная некогда римлянами Палестина в VI веке входила в состав Восточной Римской империи. После времен Веспасиана и Адриана, после двух страшных погромов, к VI веку Палестина успела значительно оправиться, главным образом, вследствие того, что открыты были святыни, дорогие сердцу каждого христианина, – Голгофа и гроб Господень. Паломники со всего христианского мира устремились во св. землю. Императоры не щадили средств для восстановления священных памятников ветхозаветной и христианской древности. Иерусалим, бывший в запустении в течение двух столетий, снова становится богатым и славным городом Востока... Мы приведем здесь краткое описание Палестины в конце VI века из сочинения «Палестина под властью христианских императоров» Альфонса Курэ:

«Палестина состоит из частой сети горных цепей, составляющей средину страны, окаймленной как с запада, по берегам Средиземного моря, так и с востока, по берегам Иордана и Мертвого моря, двумя сравнительно узкими низменностями, круто поднимающимися с запада, и рядом последовательных террас, спускающихся на восток в углубление, лежащее гораздо ниже уровня моря.

На высшей точке южной части этой возвышенности стоит Иерусалим со своими стенами, башнями, базиликами, церквями, монастырями, больницами и странноприимными домами, украшенный в течение трех столетий свв. Константином и Еленой, Евдокией и Юстинианом и ставший, благодаря своему духовному значению, самым богатым и главным городом всего Востока.

На средней вершине Елеонской горы возвышалась над всем городом базилика Вознесения. Рядом и по всей цепи Елеонской горы, замыкающей горизонт к стороне Мертвого моря, теснились монастыри, церкви и часовни, основанные обеими Меланиями, Вассой, Татианой, Ксенией, Евдокией, Юстинианом и Анастасией. В одном из этих монастырей скрывались в это время одна из дочерей и сестра императора Маврикия, спасшиеся от преследования Фоки и нашедшие в Иерусалиме убежище, в котором отказала им вся остальная империя. Невдалеке за Елеонской горой стояла Вифанская церковь с гробницами многих Иерусалимских епископов.

В глубине Кедронского потока возвышалась полуподземная церковь над временной гробницей Пресвятой Девы, рядом столб Авессалома, далее Силоамская базилика, заключающая в подземной пещере воды знаменитого источника. Значительно далее в иудейской горной пустыне стояла высокая башня св. Саввы, окруженная церквями и постройками знаменитой лавры. В окрестностях ее монастыри Кастелийский и Пещерный образовали вместе с лаврой обширный треугольник, над которым возвышался монастырь Схолариев, расположенный у подножия башни, выстроенной императрицей Евдокией для ее бесед со св. Евфимием. Еще далее в пустыне находились монастырь Хузивский, целиком высеченный в скале, лавра Гептастом на берегу небольшого озера, лавра Сукка с гробницей св. Кириака, монастырь Фирмина, обитель св. Евфимия и под ней монастырь св. Феоктиста.

На горе Сионской, кроме башни Давида, некогда пощаженной Титом, возвышались: базилика, построенная св. Еленой на месте Тайной вечери, превращенные в церкви темница апостола Петра и дом Каиафы, монастырь Неаса, настоятели которого находились в постоянной борьбе с Иерусалимскими патриархами, и великолепная базилика Пресвятой Девы, создание Юстиниана. Далее шли Вифлеем с его базиликой и монастырями. Более к югу Мамврийское плоскогорье служило основанием базилики, выстроенной св. Константином над гробницами ветхозаветных патриархов, и, наконец, в аравийских пустынях, близ Красного моря, у подножия Синайской горы, как передовой страж Православия, стоял монастырь, выстроенный Юстинианом, в котором в то время пребывали три инока, прославившие его

более, чем все щедроты императора: Анастасий Синаит, впоследствии Антиохийский патриарх, Григорий, настоятель синайский, возведенный Юстинианом II тоже на антиохийский престол, красноречие которого убедило даже Хозроя и его воинов возвратить часть захваченной ими военной добычи, и, наконец, преемник его на Синае Иоанн Лествичник, прозванный так по своей Лествице, написанной по просьбе Раифского епископа и сделавшейся духовным руководством и уставом для отшельников и монастырей Египта и Азии.

По кесарийской дороге, ближе всего к Иерусалиму, находилась базилика св. Стефана, свидетельница борьбы св. Саввы против императора Анастасия; немного далее церковь

Пресвятой Девы, откуда уже открывалась паломнику башня Давида, а затем монастыри Евсторгия и Анастасия, из которых последний послужил убежищем для иноков лавры св. Саввы, изгнанных сарацинами.

В самом Иерусалиме к базилике гробницы Господней, оставшейся как по святости связанных с нею воспоминаний, так и по достойному их великолепному сооружению средоточием христианства, примыкал патриарший дворец, выстроенный императрицей Евдокией, и обширный монастырь, основанный Илией, со знаменитой библиотекой, собранной епископом Александром. Далее, на месте, где прежде стоял дом свв. бого-отец, возвышалась церковь, и в глубине одной из отдаленных улиц укрывалась церковь иаковитов, евтихианской секты, тогда весьма многочисленной в Александрии.

Преимущественно в середине сентября, к празднику Воздвижения животворящего Креста, прибывали в Иерусалим длинными вереницами караваны из Малой Азии, Персии, Африки и Аравии. Торговцы всех стран мира стекались сюда для сбыта самых разнообразных товаров.

Лаодикийские купцы развешивали свои ковры, Смирна и Антиохия высылали свои парчи, Тир привозил свои холсты и художественно раскрашенные стекла, а Александрия отправляла свои тонкие льняные полотна и, в особенности, свертки шелковистой бумаги, быстро разбираемой многочисленными переписчиками, распространявшими аскетические произведения по всем палестинским монастырям. Армяне прибывали бесконечными караванами для обмена сырых произведений своих горных шахт на оружие и предметы роскоши. Жители Эфиопии, все еще державшие в своих руках внутренние пути Красного моря, привозили слоновую кость и, в особенности, столь необходимый для иерусалимских церквей ладан, цингийское золото в зернах, обработанный изумруд и пряности Индии. Китайские и индийские шелковые изделия поражали взор фантастичностью своих узоров, а соперничавшие с ними произведения императорских шелковых фабрик, наоборот, – правильностью рисунка и изображениями человеческих фигур и зверей. Арабские купцы Медины и Мекки прибывали со своими верблюдами и наполняли город привычным им криком и шумом. Они обменивали пряности и благовония своих стран на золотые изделия Иерусалима, иерихонские финики, сухие плоды Палестины и т. д. . . .

Евреи, несмотря на императорские указы, шныряли среди этой толпы, вмешиваясь во все торговые сделки и, главное, меняя привезенные иностранные монеты на изящные римские, обращавшиеся везде, благодаря господствовавшему еще влиянию Рима. Тут же назойливые и жадные агенты казны с записями в руках вскрывали кипы привезенных товаров и взымали торговые пошлины, которые колебались от 1 до 50 процентов с цены.

После Иерусалима значительнейшим городом Палестины была Газа, которая, кроме своего торгового значения на границе пустыни и на пути к Красному морю и Египту, славилась своими школами, из которых вышли многие великие ученые; так, между прочим, Эней Газский, прославившийся своим сочинением, в котором он приемы философии применил к защите христианских истин; Зосима, преданный Зеноном смертной казни за участие в заговоре Илла; Прокопий, автор толкований на Библию, драгоценных по причине сравнения состояния Палестины при евреях и при византийских императорах, и известного панеги-

рика императору Анастасию; Харикий, его ученик и панегирист, сочинения которого по изяществу и совершенству формы соперничают с классическими произведениями древности, хотя уступают им в композиции и мысли вследствие общего литературного упадка; наконец, последний – преподаватель афинской школы Исидор Газский, ученые увлечения которого предполагали найти в Персии шестого века осуществление Платоновой республики из суровых монархий Киропедий и который в сопровождении других шести философов отправился ко двору Хозроя, но, по прошествии шести месяцев, слезно молил Юстиниана о разрешении возвратиться в Газу.

В соседнем с Газой Маиуме находилась церковь, построенная при Феодосии св. Зеноном, а в окрестностях монастыря, где Север Антиохийский встретился с Петром Иверийцем, – монастырь настоятеля Дорофея – и, наконец, по направлению к Египту – гробница св. Илариона в его монастыре, затерянном среди прибрежных песков и болот.

Древняя митрополия Кесария включала церкви свв. Корнилия и Прокопия, гипподром, дважды самаритянами обгащенный кровью, развалины которого сохранились донныне, наконец, обширную библиотеку с тридцатью тысячами книг, в числе которых находились подлинное Евангелие св. Матфея и зкзаплы, писанные рукою Оригена.

В Иоппии, Аскалоне, Панеаде, Тивериаде, Эммаусе, Вифсаиде, Кане и Капернауме были воздвигнуты базилики. Около Геннисаретского озера, у подошвы горы Насыщения 5000 человек, стояла обширная церковь св. Петра, сооруженная св. Еленой, которую паломник XII века (Зевульф) видел еще в целости. В Диосполе возвышалась со времен Юстиниана церковь св. Георгия; в Севастии гробницы Иоанна Крестителя и пророков Авдия и Елисея были обращены в церкви; в Неаполе, центре самаритянского населения, восстановлены были пять церквей, из которых одна на вершине Гаризима, а другая возвышала свой византийский купол над источником беседы Иисуса Христа с самаритянкой. В Скифополе, митрополии второй Палестины, рядом с епископским дворцом стояли две церкви, посвященные свв. Фоме и Василию, и немного далее в пустыне монастырь Енфенаневский и по-прежнему посещаемые Гадарские целительные источники. В Назарете привлекали паломников две обширные базилики и на лесистой вершине Фавора три церкви, построенные св. Еленой.

Таково было в конце шестого столетия внутреннее состояние Палестины. В то время как Египет и Киренаика были раздираемы религиозными распрями, а Сирия, Каппадокия, Вифиния и Фракия опустошаемы персами и аvaraми, Палестина пребывала в относительном спокойствии. Постоянно увеличивающийся приток паломников поддерживал в ней, несмотря на общее обеднение империи и тяжесть налогов, особенное благосостояние. Но грозная туча уже приближалась... («Палестина под властью христианских императоров» Альфонса Курэ. СПб., 1894 г. Стр. 121–128.)

Политическое положение Римской империи в конце VI века. Нравы

В то время как западная половина Римской империи уже окончила свое существование под ударами варваров, восточная продолжала существовать и в царствование Юстиниана достигла хотя и недолговременного, но значительного блеска. Тем не менее, положение и Восточной империи в конце VI столетия нельзя назвать счастливым. Хотя она и сохраняла еще большую часть земель у Средиземного моря и значительнейшие города Европы, Азии и Африки, но враги угрожали ей со всех сторон: лонгбарды – на западе, славянские и туранские народы – на севере и еще более – персы с Востока. В царствование же Юстиниана мы впервые слышим о турках... Впрочем, то не были те турки, которые до сих пор владеют Востоком. Турки, о которых мы говорим теперь, принадлежали к другой ветви туранского племени. В это же время на границах империи появился новый страшный враг – авары, против которых с напряжением всех сил боролся император Маврикий (582–602). Персы в это время достигли высшей степени своего могущества: при втором Хозрое, внуке Нуширвана, они были уже близки к покорению почти всех восточных провинций империи... С конца VI столетия начинается глубокий упадок Восточной империи... Печальному политическому положению соответствовал ужасный упадок нравственности во всех классах общества, особенно – в городах. Хотя христианские императоры и запретили уже гладиаторские бои, но цирк продолжал привлекать по-прежнему бесчисленные толпы. Заняв с рассвета места, зрители забывали все на свете и себя самих, следя с неописуемым напряжением, с утра до вечера, за лошадьми и колесницами, не обращая внимания на то, печет ли их солнце или мочит дождь. Смотря на то, как они, затаив дыхание, волновались противоположными чувствами ожидания, надежды, страха или безумной радости, судя по ходу ристаний, можно было подумать, что вся их судьба зависит от исхода скачек... В частной жизни предавались такой порочности, на которую лучше набросить покрывало, чтобы не оскорблять нравственного чувства читателя. Недаром лучшие люди того времени задыхались в отравленной пороком нравственной атмосфере и спешили в пустыню...

Монеты, упоминаемые в «Луге духовном»

Фоллера равнялась 1/4 асса. Асс на наш счет = 15 коп. серебром.

Керата = 18 коп. и составляла половину милиаризия.

Милиаризий, иначе *драхма*, = 35 коп. серебром.

Обол = 4–5 коп. сер.

Нумул = 3 оболам. *Динарий серебряный* = 21 коп. Золотой = 25 серебряным.

Номисма = 4 руб. 20 коп.

Фунт, или *литра*, *золота* содержит в себе 84 1/2 золотника.

Хронологическая таблица

Полагая год смерти блаженного Иоанна Мосха в 622 году, предполагая, что он скончался в почтенной старости, мы при перечислении современных ему событий ограничимся пределом времени от половины VI столетия до 622 года.

Пятый Вселенский Собор.	553
Кончина Юстиниана Великого.	565
Рождение Магомета.	570
Вторжение Хозроя в римские провинции. . .	603
Завоевание Сирии и Палестины.	611–614
Завоевание Египта и Малой Азии.	616
Приготовление Гераклия к войне.	621
Первый поход его против персов.	622

Современные императоры

Юстиниан I Великий.	527–565
Юстин II.	565–578
Тиверий II.	578–582
Маврикий.	582–601
Фока.	602–610
Гераклий.	610–641

Патриархи римские

Виргилий.	537–555
Пелагий I.	555–560
Иоанн III.	560–573
Бенедикт I.	574–578
Пелагий II.	578–590
Григорий I Великий.	590–604
Сабиниан.	604–606
Бонифаций III.	19 февраля – 12 ноября 607
Деуседит.	615–618
Бонифаций V.	619–625

Патриархи Константинопольские

Минна.	536–552
Евтихий.	552–565
Иоанн III.	565–577
Евтихий (второй раз).	577–582
Иоанн IV Постник.	582–595
Кириак.	595–606
Фома I.	607–610
Сергий I.	610–639

Патриархи Иерусалимские

Евстохий.	544–563
Макарий II (второй раз).	563–574
Иоанн IV.	574–594

Амос. 594–601
Исихий, или Исаакий. . . . 601–609
Св. Захария. 609–633
Св. Модест. 633–634
Св. Софроний. 634–644

Патриархи Александрийские

Аполлинарий. 551–567
Иоанн I. 568–577
Св. Евлогий. 579–607
Феодор. 607–609
Св. Иоанн Милостивый. . . . 609–620
Георгий. 621–630

Патриархи Антиохийские

Домн II. 546–560
Анастасий I Синаит. 561–572
Григорий I. 573–596 (или 593)
Анастасий I (вторично. . . 596–601 (или 599)
Анастасий II. 602–610

Об изданиях «Луга духовного»

В первый раз издан был «Луг духовный» на итальянском языке. Переводчик неизвестен. Об этом издании упоминает Веронский епископ Липоман.

На латинском и греческом языках издан был Дучеем в *Auctario Bibl. patrum*, Paris, 1624 г., т. II, 1057, и в «Библиотеке отцов», Paris, т. XIII.

Котельер напечатал весь подлинный текст со своим латинским переводом, Paris, 1681 г. во втором томе *Monumentorum Ecclesiae Graecae*, 341–450.

Первое издание на славянском языке появилось в 1628 г. в Киеве.

Преосв. Филарет Черниговский издал свой перевод «Духовного луга» в 1848 году. Переводу предпослано введение «О сочинителе Духовного луга и о самом Луге». В конце приложены объяснительные примечания. При всех своих достоинствах, перевод не всегда верен подлиннику. Некоторые главы опущены.

Наш перевод сделан вновь, с греческого подлинника, по изданию Миня: *Patrologiae Cursus completus*. T. LXXXVII. 2845–3116.

Луг духовный

Иоанн Моск – возлюбленному о Христе Софронию Софисту

Возлюбленный, что может быть приятнее зрелища, которое представляет собою весенний луг, испещренный разнообразными цветами? Прохожие невольно останавливаются, пораженные разного рода впечатлениями: глаза не могут достаточно налюбоваться созерцанием красоты, обоняние – насладиться дивным благоуханием. Здесь розы сверкают своей красотой, там – лилии, соперничающие с самими розами; тут же цветущие фиалки, точно царская багряница. Что за разнообразие, что за дивная пестрота в этом мире цветов! Как со всех сторон поражает путника красота зрелища и ароматический запах, сливаясь в одно общее впечатление чудного наслаждения! Вот с таким же удовольствием прими и настоящий труд, благодатное и верное чадо Софроний! Ты найдешь в нем добродетели св. мужей, просиявших в наше время, насажденных, по слову псалмопевца, близ источников водных. Хотя и все они одинаково боголюбезны, однако один наиболее украшен особенной какой-нибудь добродетелью, другой – иною. Отсюда – духовная красота их и благолепие. Срывая из цветов неувядающего луга наиболее прекрасные, я сплел для тебя венок и подношу его тебе, вернейшее чадо, а чрез тебя и всем. По этой-то причине и этот труд я назвал «Лугом»: каждый может найти в нем духовное наслаждение, благоухание и пользу. Добродетельной жизни и нравственному усовершенствованию способствует не только размышление о божественных предметах, правая вера и твердость в ней, но также и описание святой жизни других. Поэтому в восполнение твоей любви ко мне, чадо, я предпринял этот труд, сделав возможно полное и верное собрание цветов; подобно мудрой пчеле, я описывал, избирая особенно душеспасительные подвиги отцов. Итак, начну свое повествование.

Глава 1

Жизнь св. старца Иоанна и о пещере «Сапсас»

Малая пещера – больше горы Синая.

Жил один старец, по имени Иоанн, в пустыне аввы Евсторгия. Архиепископ Иерусалимский св. Илия хотел его поставить игуменом монастыря, но старец отказался, говоря: я хочу отправиться на гору Синай для молитвы. Архиепископ настаивал, чтобы он сперва сделался игуменом и потом уже отправился. Старец не согласился, и архиепископ отпустил его, взяв обещание, что он примет игуменство по своем возвращении. Простившись таким образом с архиепископом, старец отправился в путь к горе Синай. Взял с собой и своего ученика. Но только что он перешел Иордан и прошел не более версты, как вдруг почувствовал озноб и жар. Дальнейшее путешествие стало невозможно. Путники нашли небольшую пещеру и вошли в нее, чтобы успокоиться старцу. Болезнь настолько усилилась, что старец не мог уже двинуться, и в пещере пришлось пробыть три дня. Тогда старец во сне услышал голос кого-то, говорящего ему:

– Скажи мне, старец, куда ты стремишься?

– На гору Синай, – отвечает старец явившемуся.

– Советую тебе не уходить отсюда, – говорит незнакомец.

Однако не удалось уговорить старца, и явившийся ему удалился. Между тем, горячка усилилась. В следующую ночь тот же самый, в прежнем виде, предстал старцу.

– Зачем ты, старец, желаешь страдать? Послушайся меня и не уходи отсюда.

– Но кто же ты сам? – спросил старец.

Я Иоанн Креститель, – отвечал явившийся, – и вот почему убеждаю тебя не уходить отсюда: эта малая пещера больше горы Синая. Итак, дай мне слово остаться здесь, и я исцелю тебя.

Услыхав это, старец с радостью обещал остаться в пещере. Немедленно получив исцеление, старец действительно пребыл в пещере до конца дней своих. Устроив из пещеры той храм, он собрал братию. Это место и называется Сапсас. Близ него, с левой стороны, протекает поток Хорив, на противоположной стороне – Иордан. Сюда был послан Илия Фесвитянин во время бездождия.

К главе 1

Блаженный Илия, родом араб, был патриархом в царствование императора Анастасия (491–518 г.). В то время христианский мир глубоко взволнован был ересью Евтихия, или монофизитством. Монофизиты учили, что в Господе Иисусе Христе человеческое естество было поглощено Божеством и потому в Нем следует признавать только одно Божеское естество. Это учение было осуждено на Четвертом Вселенском соборе, в 451 году, в Хажидоне, но смуты долго еще не прекращались. В Сирии и Палестине евтихиане производили бунты и возмущали народ. Мир пустынных обителей был нарушен. Дело не раз доходило до кровопролития... Император Анастасий не признавал Халкидонского собора и за верность православию отправил Иерусалимского патриарха Илию в ссылку в Айлу, крайний южный город Палестины, в глубину залива Красного моря.

Иоанн был иноком и пресвитером, состарившимся в иерусалимской обители Евсторгия. Зная его добродетельную жизнь, патриарх Илия хотел было назначить его игуменом этой обители, но смиренный инок желал уклониться от этой чести. Местечко Сапсас находится по ту сторону реки Иордан, не в дальнем от него расстоянии, не более версты. Здесь-то и возникла знаменитая лавра св. Иоанна Предтечи. О преподобном Иоанне см. также Пролог, февраля 24.

Монастырь недавно стал возобновляться: вокруг него сделана почти вся новая стена и создано несколько новых зданий; есть, однако, и остатки древнего здания церкви. Есть на новом остатке древних фресок. «Краткое описание путешествия во св. град Иерусалим и прочие св. места, в 1881 г.». «Душеп. Чт.», фев., 221.

О путешествиях с благочестивой целью см. прим. к гл. 100-й.

Глава 2

О старце, питавшем львов в своей пещере

Без трепета встречал львов

В той же самой местности Сапсас жил другой старец, достигший столь великого духовного совершенства, что без трепета встречал львов, приходивших к нему в пещеру, и кормил их на своих коленях. Столь великой Божественной благодати исполнен был человек Божий!

К главе 2

О власти святых над зверями сохранилось много рассказов не только в «Луге Духовном», но и в других повествованиях о жизни св. подвижников. Тайна этой власти объясняется в 18-й главе «Луга Духовного»: «Если бы мы соблюдали заповеди Господа нашего Иисуса Христа, то звери боялись бы нас. Но за грехи наши мы стали рабами, и теперь скорее мы боимся их». В 107 главе, после трогательного рассказа о привязанности льва к прп. Герасиму, в заключении говорится: «Вот что произошло – не потому, чтобы лев имел разумную душу, но по воле Бога, прославляющего прославляющих Его не только при жизни, но и по смерти их и показавшего нам, в каком послушании находились животные у Адама, прежде чем он преступил заповедь Божию и был изгнан из рая сладости».

«Из Нитрийской пустыни пришли два инока к одному отшельнику, наслышавшись о его добродетельной жизни. Хотя они пришли из дальней и чужой стороны, но, живя с ним некогда в одном монастыре, сохранили прежнюю приязнь. Долго они искали его, наконец, нашли в пустыне близ Мемфиса. Не уклонился он от свидания с прежними друзьями и провел с ними три дня. На четвертый день он пошел проводить их, и вот, навстречу им идет огромная львица. Зверь приблизился и после как бы небольшого раздумья пал к ногам отшельника. Вид зверя явно показывал, что у него было большое горе... Все были тронуты, особенно тот, к кому обратился зверь. Пошли за львицею. Она шла впереди, то озираясь, то останавливаясь и таким образом как бы давая знать, чтобы отшельник шел, куда ведет она. Пришли к логовищу зверя. Там у нее было три львенка-подростка, родившихся слепыми. Она выносила одного за другим и клала к ногам отшельника. Тогда святой увидел, чего ожидает от него львица. Призвав имя Божие, он коснулся рукою слепых глаз львят. Слепота прошла, и глаза их раскрылись... Львица через пять дней возвратилась к благодетелю своему и принесла ему в дар шкуру неизвестного зверя. Св. муж не отверг ее дара, как посланного, по его разумению, другим Подателем, и часто надевал на себя шкуру». (Из Сульпиция Севера – в «Разговорах о восточных отцах».)

В жизнеописании прп. отца нашего Саввы Освященного: «Некогда, как сей св. старец шел из Рувы к Иордану, на то место, где растет тростник, встретился с ним величайший хромающий лев. Припав к Савве, он показывал ему свою лапу и знаками просил его оказать вспоможение.

Отец наш Савва, видя страдания зверя, сел и, взяв его лапу, вынул из нее вонзившуюся спицу. Лев, получив облегчение, встал и начал ходить. После сего, в продолжение сорокадвух дней, он сопутствовал старцу и охотно служил ему. Освященный старец имел тогда при себе некоторого ученика, родом сирианина, по имени

Флаис. Сей ученик для услуги имел у себя осла в Руве, в нижней ее стране. Савва, послав некогда сего ученика для исполнения своего поручения, приказал льву стеречь осла его. Лев поутру брал ртом узду осла, уходил с ним и пас его весь день, а к вечеру поил его и возвращался с ним. По прошествии нескольких дней, когда лев продолжал исполнять свою службу, Флаис, посланный для исполнения возложенного на него дела, вознерадев о своем спасении или, может быть, чем-нибудь возгордившись и посему будучи оставлен Богом, пал в грех. Точно в сей же самый день лев умертвил осла и съел его. Флаис, узнав о сем, увидел, что грех его стал причиною, по которой погиб осел. Посему не смел явиться к старцу, но предался отчаянию, пошел в свое селение и там оплакивал грех свой. Но божественный старец, подражая Господнему человеколюбию, не презрел его, но, по долговременном искании, нашел его, наставил, преклонил к Богу и таким образом восставил его от падения». Изд. Пр. Палест. Общества. § 49. Спб. 1885.

См. также рассказ в 107-й главе «Луга Духовного».

Глава 3

Жизнь Конона, пресвитера монастыря Пентуклы

«Будь тверд и терпи!»

Мы пришли в лавру св. отца нашего Саввы к Афанасию. Один старец рассказал нам: «Пришлось быть нам в монастыре Пентуклы. Там был старец Конон, киликиянин. Сперва в качестве пресвитера он служил при совершении таинства крещения, а потом ему, как великому старцу, поручили самому совершать крещение, и он стал помазывать и крестить приходивших к нему. Всякий раз, как приходилось ему помазывать женщину, он приходил в смущение и даже по этой причине вознамерился уйти из монастыря. Но тогда является ему св. Иоанн и говорит: «Будь тверд и терпи, и я избавлю тебя от этой брани». Однажды пришла к нему для крещения девица персиянка. Она была так прекрасна собой, что пресвитер не решался помазать ее св. елеем. Она прожила два дня. Узнав об этом, архиепископ Петр был поражен этим случаем и решил было уже для сего дела избрать диакониссу, но не сделал этого, потому что не дозволял закон. Между тем, пресвитер Конон, взяв свою мантию, удалился со словами: «Я не могу более здесь оставаться». Но едва взошел на холмы, как вдруг встречает его Иоанн Креститель и кротко говорит ему: «Возвратись в монастырь, и я избавлю тебя от брани». С гневом отвечает ему авва Конон: «Будь уверен – ни за что не вернусь. Ты не раз обещал мне это и не исполнил своего обещания». Тогда св. Иоанн посадил его на один из холмов и, раскрыв его одежды, трижды осенил его крестным знаменем. «Поверь мне, пресвитер

Конон, – сказал Креститель, – я желал, чтобы ты получил награду за эту брань, но так как ты не захотел, я избавлю тебя от брани, но вместе с тем ты лишаешься и награды за подвиг». Возвратившись в киновию, где совершал крещение, пресвитер наутро, помазав елеем, окрестил персиянку, даже совсем и не заметив того, что она была женщина. После того в течение 12 лет пресвитер совершал помазание и крещение без всякого нечистого возбуждения плоти, даже не замечая, что пред ним – женщина. И таким образом скончался».

К главе 3

При. Афанасий, подвизавшийся в лавре Саввы Освященного, жил в VI веке. Он отличался даром назидания. См., напр., главу 130-ю Луга Духовного.

Киликия – провинция в Малой Азии.

Иерусалимский архиепископ Петр, «муж отличных добродетелей», по словам епископа Феодора, занимал патриарший престол в Иерусалиме с 524 до 546 года или, по другому мнению, до 550 года. Монофизитские волнения в Церкви еще не прекращались. Император Юстиниан, по просьбе палестинских иноков, приказал собрать собор в Константинополе, на котором окончательно были осуждены крайние приверженцы монофизитства. Соборные постановления были доставлены иноками Петру, который выслушал и принял их в созванном им в Иерусалиме поместном соборе, почти в присутствии всех палестинских епископов, в 536 году.

В древности как мужчины, так и женщины крестились нагими. (Послан. Иоанна Златоуста к Иннокентию. Т. IV, Стр. 596. Августин:

«О граде Божиим», кн. 22, гл. 6). Перед крещением совершалось, как и теперь, помазание елеем. (Кирилл Иерусалим. Оглаш. 2, § 3. Шестая беседа Иоанна Златоуста на послание к Колос. 200.) При крещении жен, согласно постановлению императора Юстиниана, прислуживали обыкновенно диакониссы (Новел. 6, гл. 6). По правилам апостольским, диакон, при крещении жен, помазывал только чело, после чего совершали помазание диакониссы (Книга 3, гл. 15). Но патриарх не считал удобным поставить диакониссу в помощь Конону, дабы не нарушить обычая, не допускавшего пребывания женщин в обители. Об авве Кононе см. главу 15 «Луга Духовного». Память его 19 февраля.

Преподобный Савва Освященный родился около 436 или 437 года в Каппадокии, в селении Муталаске. Восьми уже лет он удалился в обитель прп. Флавиана, в 20 стадиях от Муталаски. Под мирным покровом обители он вырос и развился; там сложились его убеждения и определилось его религиозно-нравственное настроение. Во Флавиановой обители он прожил около 10 лет, и у него явилось горячее желание поклониться св. местам в Иерусалиме.

Прибыв в Палестину, он вскоре поступил, по указанию великого Евфимия, под руководство блаженного Феоктиста. «Он всего себя предал Богу, – говорит его жизнеописатель Кирилл. – Все, что принадлежало ему как собственность, он отдал в руки Феоктиста и посвятил себя на всякий труд подвижника; проводя дни и ночи в телесных трудах, он в основание и начало своей жизни полагал смирение и послушание. Будучи способен и весьма ревностен к божественной службе, он прежде всех входил в церковь и после всех выходил из нее. При великих душевных силах он и телом был велик и силен. Почему, когда все монахи рубили в пустыне только по одной связке прутьев для корзин и носили в киновию, Савва рубил и носил по три. Сверх этого, иногда носил для других воду и дрова и таким образом старался всем услужить». Видя его необыкновенные подвиги, великий Евфимий всей душой полюбил св. Савву и прозвал его *юным старцем*. По кончине Евфимия Савва, желая полного уединения, удалился в дикую пустыню Рува. Там он прожил совершенно один четыре года, питаясь дикими травами, корнями растения мелагра и сердцевиною тростника.

По указанию свыше, он поселился в пещере над потоком Кедронским, в семи часах ходьбы от Иерусалима. Пещера находилась на высокой горе и как бы висела над пропастью, так что подвижник поднимался на гору по веревке, которую укрепил при входе в пещеру. Здесь он прожил пять лет в совершенном уединении. Ему уже было 45 лет. Далеко разнеслась молва о великом подвижнике – и к нему собралась братия, около 70 учеников, в числе которых были: Иоанн, Иаков, Фирмин, Севериан, Юлиан и другие. Жизнеописатель называет их «ликом ангелов, дружиною воинов Христовых, гражданами селения Божия». Число братии быстро увеличивалось. Так возникла знаменитая *Великая лавра*. Кроме Великой лавры, св. Савве обязаны своим основанием и другие, впоследствии славные, обители: Каstellийская, Никопольская, Новая лавра, Пещерная, Схолариева, Семиустная... Возможно ли изобразить подвиги св. Саввы для спасения своих братьев, для защиты христианской истины среди волнений, обуревавших в то время христианский мир из-за ересей и расколов?! Бог увенчал великого подвижника изобильным даром чудотворений.

Однажды в Иерусалиме, куда, чувствуя приближение кончины, он пришел, чтобы проститься со св. местами, его настиг тяжкий недуг. Лишь только патриарх узнал об этом, как сам поспешил к нему и, увидав великого старца, томившегося на рогоже, перенес его в свои палаты и сам ходил за ним, как любящий сын. По усиленной просьбе старца он отпустил его в обитель. Проведя там четыре дня в совершенном уединении и безмолвии, совсем не принимая пищи, он в субботу причастился Св. Тайн и тихо отошел ко Господу со словами: «Отче, в руки Твои предаю дух мой!» Это было 5 декабря 531 года. Таков был св. Савва, *сей земной ангел и небесный человек!*..

О *Великой лавре св. Саввы* см. во введении.

Одежда – *μῆλωτόριον*, мантия, верхняя шерстяная одежда.

Об *одежде иноков* см. прим. к гл. 51-й.

О *борьбе с нечистыми помыслами* см. прим. к гл. 14-й.

Об *обители Пентуклы* см. во введении.

Глава 4

Видение аввы Леонтия

Леонтий, настоятель киновии св. отца нашего Феодосия, рассказал нам: «После того как иноки из Новой лавры были изгнаны, я пришел в эту лавру и остался в ней. Однажды в воскресный день я пришел в церковь для приобщения Св. Тайн. Войдя в храм, я увидел ангела, стоящего по правую сторону престола. Пораженный ужасом, я удалился в свою келью. И был глас ко мне: «С тех пор как освящен этот престол, мне заповедано неотлучно находиться при нем».

К главе 4

Преподобный Феодосий Великий родился около 425 года по Р. Х. в Каппадокии, в селении Могарион. С ранних лет почувствовал он призвание к подвижнической жизни. Благочестивые родители не препятствовали его склонности. С благословениями они отпустили его во св. землю. Путь его лежал через Антиохию. Там стоял еще на столпе, изумляя мир величием своего подвига, св. Симеон столпник. Лишь только Феодосий приблизился к столпу св. Симеона, как великий подвижник воскликнул: «Добрый путь тебе, человек Божий Феодосий», – и позвал его к себе на столп. Потрясенный до глубины души Феодосий пал к ногам великого Симеона. Подняв юношу, столпник обнял и облобызал его и, благословляя, предсказал ему, что он будет пастырем словесных овец.

С каким восторгом и умилением Феодосий увидел и поклонился св. местам в Иерусалиме! На Голгофе у подножия Креста Христова он окончательно решил вступить на путь подвижничества. Близ Иерусалима, при столпе Давида, подвизался великий старец по имени Лонгин, славившийся святостью жизни. Под руководство этого-то старца и стал Феодосий. Долгое время жил он при старце до тех пор, пока, исполняя его волю, не принял пресвитерского сана и не отправился на служение в место, называемое Ветхое седалище. Но его душа жаждала уединения, и вот в гористой фекойской пустыне он нашел гору, которая ему очень понравилась; с вершины ее открывался обширный вид на далекое пространство: Вифлеем, Иерусалим, Иордан, Мертвое море... Там-то он и поселился в обширной пещере, в которой останавливались волхвы, приходившие на поклонение Богу воплотившемуся. Началась великая подвижническая жизнь: молитва непрестанная, стояние всенощное, изумительный пост, слезы, лившиеся из глаз, как из источника...

Тридцать лет прожил великий подвижник в пещере, и около него собралась братия. Только после долгих колебаний он решил стать руководителем других. «Человек должен жить не для одного себя, но и для ближних, и даже больше для них. Иноческая жизнь состоит не в телесном уединении и безмолвии, но в благонастроении души, в самособранности духа, в безмятежии и спокойствии сердца...» Вспомнил он при этом и предсказание великого Симеона. По указанию свыше он устроил обитель близ своей пещеры. В основание внутреннего устройства положил он начала общежития, почему и называется киновиярхом. Дивно устроил он

свою обитель, сделавшуюся образцом для других киновий... «О, какой муж! – восклицает жизнеописатель Кирилл. – Весь принадлежит другим и в то же время себе; спокойный посреди обременявших его забот и всегда одинакового расположения духа, внимательный к другим с нежною к ним любовью, к себе же с необычной строгостью, заботясь телом и душой о спасении ближнего, но и не забывая собственной души».

Во время волнений, произведенных монофизитством, св. Феодосии явился, вместе со св. Саввою, ревностным поборником правой веры, за что и подвергся изгнанию со стороны императора Анастасия. Вернувшись из ссылки после смерти Анастасия, он продолжал свои подвиги. Бог прославил его дивным даром чудотворений.

Под конец жизни св. Феодосии впал в тяжкую болезнь и с бодрым духом и благодарностью за Божие посещение переносил свой недуг. В час кончины блаженный старец воздел руки к небу и зашевелил устами, как бы вступая в беседу с Богом в дивном восторге; потом сложил крестообразно руки на груди и тихо почил в Господе. Это было на 106 году его жизни, в 592 году, 11 января. Необыкновенно было его погребение: прибыл сам патриарх Петр со всем клиром, девяностодвухлетний старец, также великий подвижник и друг Феодосия, св. Савва Освященный и многое множество народа. Необычное и сильное движение поднялось во храме, когда началось последнее прощание с почившим...

О киновии св. Феодосия см. во введении.

О Новой лавре см. во введении.

Прп. Леонтий был игуменом киновии прп. Феодосия в VI в. Он стоял на высокой степени нравственного совершенства.

«После того как иноки из Новой лавры были изгнаны», *μετα τὸ διωχθῆναι τοὺς νεοῖς λαυρητας εκ της νεας λαυρας*. Начиная с 520 года, обители Палестины были возмущены спорами о некоторых мнениях Оригена, знаменитого александрийского учителя III века, именно – о предсуществовании душ, о переселении их после смерти, о вечности мучений и др. Оригенизм зародился среди иноков Новой лавры. Во главе оригенистов стал инок Нонн, мистического образа мыслей, одаренный восторженным красноречием. Скоро оригенизм распространился и в других обителях Палестины. Однако среди иноков явились и ревностные противники оригенизма. Началась ожесточенная борьба, сопровождавшаяся взаимными укоризнами, побоищами и кровопролитием. Патриархи Иерусалимский и Антиохийский не в силах были сладить со смутами. Тогда император Юстиниан (527–565) написал письмо к Константинопольскому патриарху Мине, в котором, порицая мнения Оригена, предлагал патриарху собрать поместный собор. На патриарший престол в Иерусалиме в то время возведен был, по указанию настоятеля лавры св. Саввы Конона, бывший экононом александрийской церкви Евстохий (544–563). Евстохий послал своими представителями на собор настоятеля монастыря св. Феодосия и епископов Руфии, Тивериады и Созузы. На поместном соборе под председательством патриарха Мины мнения Оригена были осуждены и против них произнесено 15 анафем. (Ист. Христианск. Церкви. Соч. Робертсона. Т. 489. См. прим.) Получив соборные постановления, патриарх Евстохий в течение восьми месяцев тщетно уговаривал оригенистов отказаться от своих заблуждений. Иноки

Новой лавры не хотели слушать никаких вразумлений. Тогда патриарх послал против Новой лавры правителя Анастасия с отрядом войска. Лавра взята была приступом, иноки ее были изгнаны из Палестины, а взамен их водворены православные иноки из наиболее известных обителей Палестины. В числе их был Кирилл Скифопольский, составивший впоследствии жизнеописание великих подвижников Палестины. (Лет. ц. соб. архимандр. Арсения. Спб, 1880. Стр. 226–228. Ист. св. гр. Иерусалима. – соч. Муравьева, ч. I.)

Глава 5

Рассказ аввы Полихрония о трех иноках

Хорошо ты делаешь, брат, заботясь о своей душе!

Авва Полихроний, пресвитер Новой лавры, рассказал нам: «В иорданской лавре Башен я заметил, что один из находившихся там братьев был нерадив о себе самом и никогда не выполнял правила воскресного дня. Спустя немного времени вдруг вижу, что этот брат, столь нерадивый прежде, подвизается со всей ревностью и с большим усердием.

– Хорошо ты делаешь, брат, заботясь о своей душе, – говорю ему.

– Авва, – отвечал он, – мне скоро придется умереть.

И действительно, через три дня он скончался».

Тот же авва Полихроний рассказал мне: «Однажды я находился в лавре Башен. Там скончался один брат. Эконом обратился ко мне со словами:

– Брат, сделай милость, приди перенести со мною пожитки покойного в кладовую.

Начали переносить – вижу: эконом плачет.

– Что с тобою, авва? О чем ты так плачешь? – спрашиваю его.

– Сегодня, – отвечает он, – я переносу пожитки брата, а через два дня другие будут переносить мои.

Так и случилось. На другой день эконом скончался, как и говорил».

К главе 5

Об обители Башен см. во введении.

Авва Полихроний подвизался близ Иордана и жил в разных обителях – Башен, преподобного Петра, Пентуклы и других, пока не поселился в Новой лавре, где он был пресвитером. Сам ревностный подвижник, он с любовью изучал жизнь и подвиги великих старцев и в особенности старался замечать проявления благодатной силы, жившей и действовавшей в великих подвижниках, равно как и их советы и наставления. Поэтому он многое из жизни св. отцов мог рассказать Иоанну Мосху и его спутнику.

Глава 6

О звезде, шедшей над умершим иноком

Звезда шла над умершим.

Пресвитер авва Полихроний рассказывал нам слышанное им от аввы Константина, игумена монастыря Пресвятой Марии Богородицы, Нового: «Один из братьев умер в больнице иерихонской. Мы взяли его тело и понесли в монастырь Башен для погребения. С того мгновения, как мы вышли из больницы, до самого монастыря звезда шла над умершим и была видна до тех пор, пока мы не предали его земле».

К главе 6

О киновии Пресвятой Богородицы, называемой Новой, см. во введении.

О лавре Башен см. во введении.

Прп. Константин жил в VI веке и был почти современником Иоанна Мосха. Он так прославился св. жизнью, что новую киновию Пресвятой Богородицы, которой он управлял, называли иногда монастырем аввы Константина. См. гл. 218-ю «Луга Духовного».

Глава 7

О жизни и кончине старца, отказавшегося от настоятельства в монастыре Башен

Что будет угодно Богу, то и совершу!

В том же монастыре Башен жил один старец. После кончины прежнего игумена настоятели и остальная братия обители желали его избрать игуменом, как великого и богоугодного мужа. Старец умолял их отказаться от этого. «Оставьте меня, отцы, оплакивать мои грехи. Я вовсе не таков, чтобы заботиться о душах других. Это дело великих отцов, подобных авве Антонию, Пахомию, св. Феодору и другим». Однако не проходило дня, чтобы братия не убеждали его принять игуменство. Старец продолжал отказываться. Наконец, видя, что братия неотступно просят его, сказал всем: «Оставьте меня помолиться три дня, и что будет угодно Богу, то и совершу». Тогда была пятница, а в день воскресный рано утром старец скончался.

К главе 7

«Это – дело великих отцов, подобных авве Антонию, Пахомию, св. Феодору и другим».

Св. Антоний – основатель пустынножительства и иночества. Родился в Египте в 251 году. Его родители были люди благородные и богатые. Отличаясь благочестием, они воспитывали своего сына в страхе Божиим. Двадцати лет Антоний лишился своих родителей, оставивших ему богатое наследство. Однажды он вошел в церковь. Первые слова, которые он услышал, поразили его в самое сердце. «Если хочешь быть совершен, иди, продай имение свое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах, и поди, и следуй за Мною». Раздав все свое имущество бедным, он поручил свою сестру благочестивым женщинам и решил совершенно посвятить себя Богу. Поселившись вначале в пустыне близ одного старца, он впоследствии, ища полного уединения, переплыл реку Нил и поселился в пещере. Тогда ему было 35 лет. Начались великие подвиги, изобразить которые было только под силу великому Афанасию... По прошествии 20 лет подвижнической жизни Антоний достиг светлого и благодатного состояния духа, и тогда многие стали посещать его: одни – для назидания, другие – для иноческой жизни под его руководством. Стали образовываться монастыри, в которых жило по несколько братий вместе. Другие подвижники жили отшельниками в одиноких кельях. Прожив долгое время со своими учениками, Антоний снова взалкал уединения и, по указанию свыше, пришел в пустыню близ Красного моря.

Св. пустынножитель скончался в 355 году на 105-м году своей жизни. Проведя 85 лет в пустыне, Антоний за все это время только два раза появлялся в Александрии: один раз для укрепления христиан во время гонения Максимиана, в другой раз для защиты истины против Ария. Бог прославил великого подвижника дивным даром чудотворений и пророчества.

«Вся протекшая жизнь моя, – говорит о себе сам Антоний, – была не что иное, как непрестанный плач о грехах моих» (письмо 7-е).

«Имя человека, – говорит св. Афанасий, – скрывшегося в неизвестных и непроходимых пустынях, Бог прославил в Африке, Испании и Галлии, Италии и в самом Риме».

Подробнее об Антонии Великом см. книгу: «История православного монашества на Востоке». Москва, 1854 г. 4.1. Стр. 108 и далее.

О *горе св. Антония* см. прим. к гл. 133-й.

Начало иноческой жизни положил Антоний Великий, но он не давал внешних правил для жизни иноческой, заботясь, главным образом, о внушении живого, искреннего и глубокого благочестия. Но впоследствии, с умножением числа иноков, оказалась настоятельная потребность в таких правилах и учреждениях, которые могли бы поддерживать и укреплять слабую волю в борьбе с искушениями. Большая часть иноческих правил составлены были *Великим Пахомием*. «Вначале, как я стал монахом, – говорил Антоний одному из учеников Пахомия, – не было ни одной киновии (или общежительного монастыря) для воспитания других, но каждый из прежних иноков подвизался сообразно своему духовному стремлению. Великую услугу оказал отец ваш, собрав и устроив такое множество братий». С того времени образовались два вида пустынножительства: одинокие отшельники и жители киновии.

Великий подвижник св. Пахомий скончался 57 лет от роду, в 348 году. О нем см. в книге: «Ист. прав, монашества на Востоке». Ч. I. Стр. 122–193.

Феодор был учеником св. Пахомия. Он пришел к нему в монастырь 14-ти лет. Пахомий горячо любил его и называл сосудом избранным, полным Св. Духа. О нем см. там же, стр. 200 и далее.

Глава 8

Жизнь аввы Мирогена

Помолись за меня, отче, чтобы мне избавиться вечного мучения.

В той же лавре Башен был один старец по имени Мироген, который от великой строгости жизни заболел водянкой. Его постоянно навещали старцы, чтобы ходить за больным. «Молитесь лучше обо мне, отцы, – говорил больной, – чтобы внутренний человек мой не страдал водянкой. Я же молю Бога, чтобы Он продлил мою настоящую болезнь».

Иерусалимский архиепископ Евстохий, услышав об авве Мирогене, пожелал прислать ему кое-что для телесных потребностей, но тот не принял ничего из присланного. «Помолись лучше за меня, отче, чтобы мне избавиться вечного мучения».

К главе 8

Евстохий был патриархом Иерусалимским с 546 до 563 года. Он боролся с оригенистами. См. прим. к главе 4.

Авва Мироген поступил таким образом, очевидно, по примеру Феодосия Великого. Среди жесточайших предсмертных страданий один из братии дал совет страдальцу, чтоб он помолился Богу об облегчении лютой болезни. «Ах, отец мой! – ответил Феодосии. – Мне самому часто приходила в голову эта мысль, но я спешил удалить ее как искушение дьявола. После стольких успехов, после славы и почестей не лучше ли мне скорее радоваться этим страданиям на исходе, чтобы не лишиться обетовании вечного блаженства и не услышать из уст Авраама грозных слов: «Помяни, чадо, что ты уже получил все блага твои во время жизни твоей!»

Глава 9

О доброте одного св. отца

Нищий не нашел ничего в келье.

В той же лавре Башен жил один старец, отличавшийся полной нестяжательностью. В то же время он очень любил подавать милостыню. Однажды пришел к нему в келью один бедняк, прося милостыни. Старец ничего не имел, кроме хлеба, и, взяв его, подал нищему, но тот возразил: «Не нужно мне хлеба. Дай мне одежду». Желая услужить бедняку, старец, взяв его за руку, привел в свою келью. Нищий не нашел в ней ничего, кроме того, что носил на себе сам старец. Глубоко тронутый святостью старца, нищий развязал свой мешок, вынул из него все, что имел, и положил посреди кельи, сказав: «Возьми это, добрый старец! А себе я найду что мне нужно в другом месте».

К главе 9

В «Лу́ге Духовном» мы встретим немало примеров нестяжательности и нищеты среди древних иноков.

Во всех древних иноческих уставах: Василия Великого, Августина, Кассиана и Бенедикта – повторяется требование, чтобы инок не имел никакой собственности, и древние иноки строго хранили уставы св. отцов. «Жизнь Самого Господа Иисуса Христа представляет совершеннейший образец истинно аскетической нищеты, полного отчуждения от всякого земного стяжания. Монашество древних времен верно следует Основателю христианства в отношении к земным стяжаниям. О св. Антонии рассказывают, что когда он однажды услышал в церкви евангельское чтение о богатом юноше, со скорбью отошедшем от Спасителя, так как богатство воспрепятствовало ему последовать за Иисусом, то тотчас отказался от имущества и расстался с миром. Своих учеников Антоний побуждал к полной нестяжательности. Нищета, или лишение всех стяжаний земных, это, как ее называли, «краса монашества», это «великое ограждение» монастырей... Нищета иных подвижников доходила до наготы. Руфин об авве Серапионе рассказывает, что он шел куда-то, имея на себе рубашку и легкий плащ, но и с теми он расстался на дороге: плащом покрыл нагое тело мертвеца, встреченное им на пути, а рубашку отдал нищему, дрожащему от холода; когда же Серапион остался без одежды, он присел на крыльце одного дома, пока один сановник не узнал его и не уделил ему собственных одежд. Тот же Серапион продал свиток Евангелия, единственную вещь, какая оставалась у него из числа видимого имущества, а вырученные от продажи деньги отдал нищему. О некотором Елеемоне рассказывают также, что с подобной же целью он продал все свои книги. Замечательный пример пренебрежения к земному достоянию показывает далее один древний монах Агафон. Он отказывался не только принимать деньги для себя лично, но и для раздачи бедным. «Если бы я взял деньги для раздачи бедным, то я принял бы на себя двоякую вину, – говорил он. – С одной стороны, я принял бы то, в чем я не имею нужды, с другой стороны, я вниду в грех тщеславия, приняв на себя раздачу чужих денег». Нестяжательностью, достойной

удивления, отличались не только древние монахи, но и многие из епископов и пресвитеров. Самый блестящий пример нестяжательности, соединенной с нищелюбием, встречается в лице патриарха Александрийского Иоанна Милостивого. О нем рассказывают, что при вступлении на кафедру он устроил обед для 7500 бедных, что в случае нужды просящего он отдавал ему свои одежды, в какие сам был одет, что во время голода он распродал все вещи, какие только были в его епископском доме, а деньги, вырученные от продажи, раздавал нуждающимся и т. п.» (Рассказы из истории аскетизма. Душепол. чтение. Ноябрь. 1883 г. Стр. 263–264.)

Глава 10

Жизнь отшельника Варнавы

Чем более страждет внешний человек, тем более возрастает в силе внутренний.

В пещерах св. Иордана жил один отшельник по имени Варнава. Однажды он отправился утолить жажду водой из Иордана. В ногу его вонзилась спица, и он оставил ее в ноге, не допуская, чтобы врач осмотрел его. Нога начала гноиться, и он принужден был отправиться в лавру Башен и взять себе келью. Между тем, нарыв в ноге увеличивался со дня на день, а старец говорил всем навещавшим его: «Чем более страждет внешний человек, тем более возрастает в силе внутренний».

Прошло несколько времени с той поры, как авва отшельник Варнава ушел из своей пещеры к Башням. В оставленную пещеру пришел какой-то другой отшельник и, войдя внутрь, увидал ангела Божия, стоявшего пред престолом, который воздвиг и освятил старец.

– Что ты здесь делаешь? – спросил отшельник ангела.

– Я ангел Господь, – отвечал он, – и этот престол вверен моему смотрению от Бога с той поры, как был освящен.

К главе 10

О мужественном терпении болезней прим. к гл. 8.

Об ангеле хранителе св. престола см. главу 4-ю.

Глава 11

Жизнь аввы Агиодула

Покойся, пока Сын Божий не воскресит тебя!

Авва Петр, пресвитер монастыря святого отца нашего Саввы, рассказал нам об Агиодуле следующее.

Когда он был настоятелем лавры блаженного Герасима, один из тамошней братии умер, но старец не знал об этом. Канонарх ударил в било, чтобы собралась братия для выноса умершего. Пришел и старец и, увидав тело брата, лежавшее в церкви, опечалился, что не успел проститься с братом пред смертью. Подойдя к одру, он обратился к почившему со словами: «Встань, брат, и дай мне последнее целование». Умерший поднялся и поцеловал старца. «Теперь покойся, – сказал старец, – пока не придет Сын Божий и не воскресит тебя!»

Тот же авва Агиодул, проходя однажды близ берегов Иордана, размышлял о том, что произошло с теми камнями, взятыми по числу двенадцати колен, которые положил на дне реки Иисус Навин вместо тех, которые раньше взяты были со дна реки. Вдруг воды разделились на обе стороны, и старец увидел те 12 камней. Повергшись на землю, он воздал хвалу Богу и удалился.

К главе 11

Об авве Петре см. 100-ю гл. «Луга Духовного».

О лавре прп. Герасима см. во введении.

О прп. Герасиме, основателе лавры, см. прим. к гл. 107-й.

Преподобный Агиодул управлял лаврой прп. Герасима в VI веке и отличался высокими духовными совершенствами. Случай, подобный описанному здесь, можно встретить в «Лестнице» св. Иоанна Лествичника (с братом Акакием), а также в житии прп. Палладия, по рассказу блж. Феодорита, и в др. многих.

О биле см. прим. к глав. 50.

О двенадцати камнях см. кн. Иисуса Навина, гл. IV, 1–9.

Глава 12

Слово аввы Олимпия

Я – пришлец.

Брат просил авву Олимпия, пресвитера лавры аввы Герасима: «Скажи мне что-нибудь».

– Не будь с еретиками, – отвечал тот, – и воздерживай язык и чрево. И где бы ты ни был, говори себе непрестанно: «Я – пришлец».

К главе 12

Пресвитер Олимпий был одарен особенным даром учительства и назидал и словом, и делом всех приходивших к нему. См. о нем в «Духовн. Луге», гл. 141.

Глава 13

Жизнь отшельника аввы Марка

Труды рук моих питают меня!

Об авве отшельнике Марке, жившем близ монастыря Пентуклы, рассказывали, что он в течение шестидесяти девяти лет вел такой образ жизни: постился по целым неделям, так что некоторые считали его бесплотным, трудился день и ночь по заповеди Христа и все раздавал бедным, не принимая за то никакого воздаяния. Узнав об этом, некоторые христоролюбивые люди пришли к нему, прося взять от них то, что принесли в знак своей любви к нему. «Не возьму, – сказал старец, – потому что труды рук моих питают меня и тех, кто во имя Божие приходит ко мне».

К главе 13

Преподобный Марк жил отшельником вне обители. О таких отшельниках см. во введении.

Подобно прп. Марку, древние иноки питались трудами рук своих и другим помогали. Смотри, например, примечание к главе 80-й о Феодосии антиохийском.

О нестяжательности древних иноков см. прим. к гл. 9-й.

Об обители Пентуклы см. во введении.

Глава 14

О брате, который был обуреваем помыслами блуда и впал в проказу

Бог послал мне эту болезнь, да спасет мою душу!

Авва Полихроний рассказывал нам еще, что в монастыре Пентуклы был один брат, весьма внимательный к себе самому и строгий подвижник. Но он был обуреваем страстью блуда. Не вынеся плотской брани, вышел из монастыря и отправился в Иерихон, чтобы удовлетворить своей страсти. Но лишь только вошел в жилище блудницы, как вдруг весь был поражен проказой. Увидав это, он немедленно возвратился в монастырь, благодаря Бога и говоря: «Бог послал мне эту болезнь, да спасет мою душу». И воздал великую хвалу Богу.

К главе 14

Об авве Полихроний см. прим. к гл. 5-й.

Самая тяжкая борьба предстояла иноку с могущественнейшей из страстей – плотской похотью. Страшная борьба с плотской похотью, какую вели подвижники в своем уединении, побуждала их, в чувстве отчаяния, нередко искать смерти: иные топились в реках и морях, бросались с высоких скал в пропасти и ущелья, другие пронзали себя мечом или умерщвляли другим способом, как говорится об этом, например, в житии св. Пахомия, в сочинениях Григория Богослова и Амвросия Медиоланского. Другим, менее решительным средством служило самооскопление. Само собой разумеется, Церковь решительно осуждала подобные средства. В древней Церкви существовало много законов и соборных постановлений, направленных против скопцов как дерзких нарушителей порядков, устроенных Самим Богом. Самоубийство, как и самооскопление, рассматривалось как «обнаружение слабости, а не силы». «Церковь приемлет только победителей, а не побежденных» (св. Амвросий Медиоланский). Некоторые подвижники усмиряли плотскую брань посредством холода, пользуясь холодной водою, льдом и снегом, другие – посредством лежанья в терновнике, волчцах и крапивнике. Наш киево-печерский подвижник, прп. Иоанн Многострадальный, закопал себя по грудь в землю, чтобы усмирить плотскую страсть. Но самыми обычными и наиболее целесообразными средствами были пост, молитва и удаление от женщин. В 218 главе «Луга Духовного» один старец говорит, что инокам необходимо избегать всякого соприкосновения с женщиной с такой же заботливостью, с какой предохраняют соль от воды, в которой соль растворяется и исчезает. Многие подвижники отказываются видеться даже с сестрами и матерями (св. Пахомий, Иоанн Каламит, Феодор, Маркиан, Пимен, Нуф, Симеон Столпник и др.). Приняв все это во внимание, читатель поймет радость инока при поразившей его проказе.

Глава 15

Чудесное происшествие с аввой Кононом

Старец совершил над ними молитву.

Рассказывали нам об авве Кононе, игумене монастыря Пентуклы, что однажды на пути в святое место Битон встретились ему евреи и хотели его умертвить. Обнажив мечи, они бросились к старцу и, подбежав, подняли руки, чтобы нанести смертельный удар, но их руки вдруг как бы окаменели, сделавшись неподвижными. Старец совершил над ними молитву, и они удалились, радуясь и прославляя Бога.

К главе 15

О киновии Пентуклы см. во введении.

Прп. Конон, настоятель киновии. Его следует отличать от прп. Конона, о котором говорится в 3-й главе «Луга Духовного».

Битон – не Бетоним ли? Лежит близ восточного берега Иордана, под 32° сев. шир. Теперь развалины Батнех, близ селения Es-Salt. Herz. XIV, 737.

Глава 16

Рассказ аввы Николая о себе самом и о своих спутниках

Дадим ему ради гостеприимства.

Один старец по имени Николай жил в лавре аввы Петра, что вблизи Иордана. Он рассказывал нам про себя следующее: «Однажды, во время моего пребывания в Раифе, мы были посланы, в числе трех братьев, на служение в Фиваиду. Проходя по пустыне, мы сбились с пути и начали блуждать. Вода у нас вся вышла. Целые дни мы не находили ни капли воды, и жажда нас сильно истомила. Наконец, мы не могли уже продолжать путешествия. Найдя в той же пустыне кустарники тамариска, мы легли, где кому пришлось найти тенистый уголок, и стали ожидать смерти от сильной жажды. Возлежа, я пришел в восторженное состояние и вижу водоем, наполненный водою, и воду, изливающуюся чрез все края его, и двое стоят над краем водоема и черпают воду деревянным ковшом. И начал я просить одного:

– Сделай милость, господин мой, дай мне немного воды, потому что я изнемогаю. – Но он не хотел дать мне.

Тогда другой говорит ему:

– Дай ему немного.

– Не дадим ему, – возражает первый. – Он очень ленив и нерадив о себе.

– Что правда, то правда, – отвечает другой. – Точно, он нерадив, но все-таки дадим ему ради гостеприимства.

И они дали мне воды.

– Дай же, – говорит, – и его спутникам.

Таким образом, все мы утолили жажду и прошли, не пив, остальные три дня, пока, наконец, не достигли селения».

К главе 16

О лавре прп. Петра см. во введении.

Кто был Петр, по имени которого она называлась, осталось неизвестным.

Преподобный Николай жил во второй половине VI века. Вначале он подвизался в Раифской обители близ Синая.

Раиф (Rait.hu) – на юго-западном берегу Синайского полуострова, у самого Черного моря.

Фиваидой называлась страшная пустыня, лежавшая в верхнем и отчасти в среднем Египте. Там впервые появилось и получило развитие иночество. «Не столь светло небо, испещренное сонмом звезд, – говорит св. Иоанн Златоуст, – как пустыня египетская, являющая повсюду иноческие кущи. Кто знает древний оный Египет богоборный, беснующийся, – раба каких-нибудь животных, страшившегося и трепетавшего пред огородным луком, тот вполне уверится в силе Христовой. Египетская пустыня лучше рая; там увидим в образе человеческом бесчисленные лики ангелов, сонмы мучеников, собрание дев; увидим, что все тиранство диавольское ниспровергнуто, а царство Христово сияет; увидим, что Египет, некогда мать и стихотворцев, и мудрецов, и волхвов, изобретший все виды

волхвования и передавший оные другим, теперь хвалится крестом». (Беседа на Еванг. от Матфея, VII.)

О видениях *ἐν ἐχστάσει* см. прим. к гл. 51-й.

О страданиях от жажды в пустыне читаем и у знаменитого Нахтигала: «Страшная жажда стала нас мучить, рот и глотка потеряли последнюю влажность, и томление стало беспредельным».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.